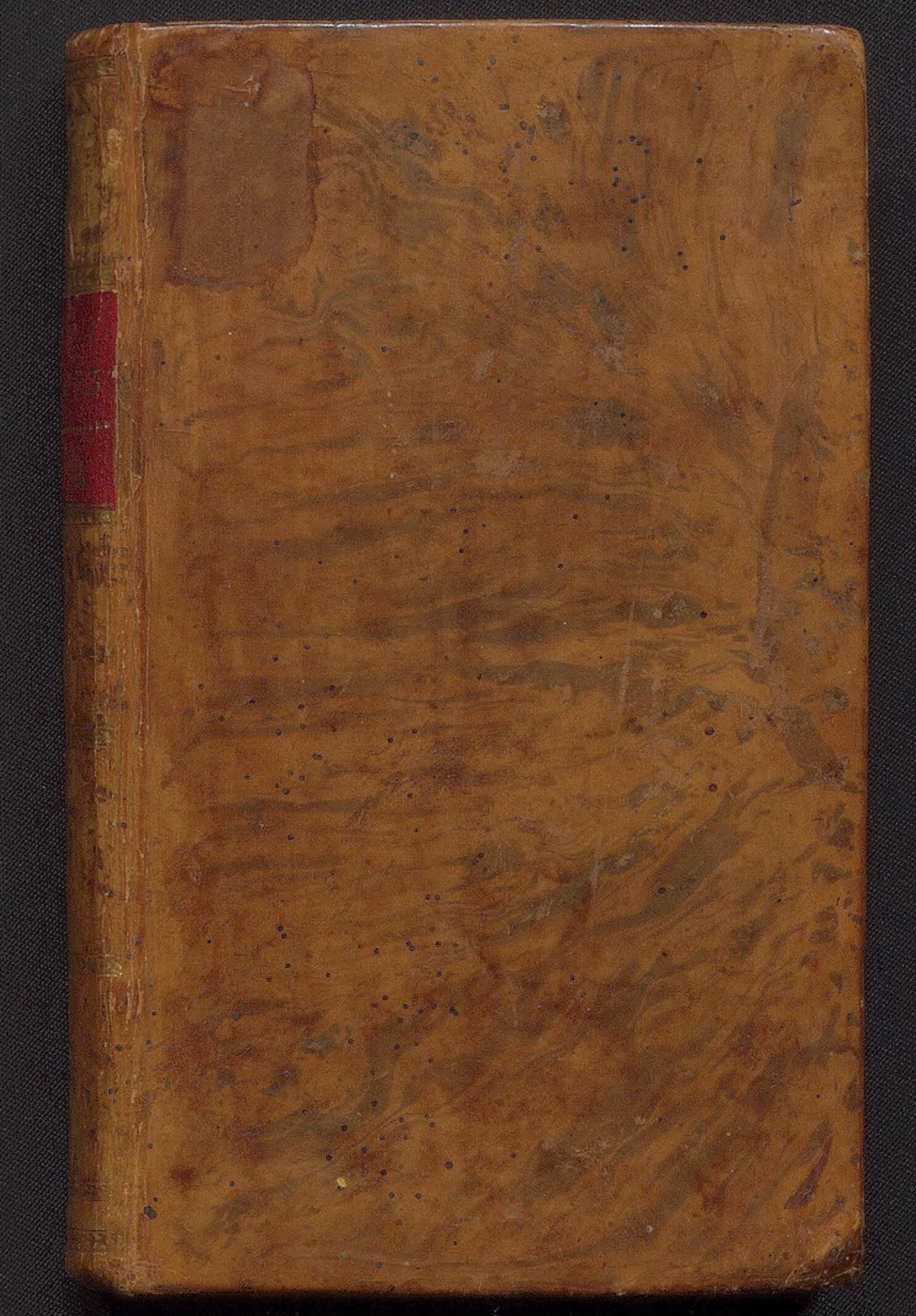
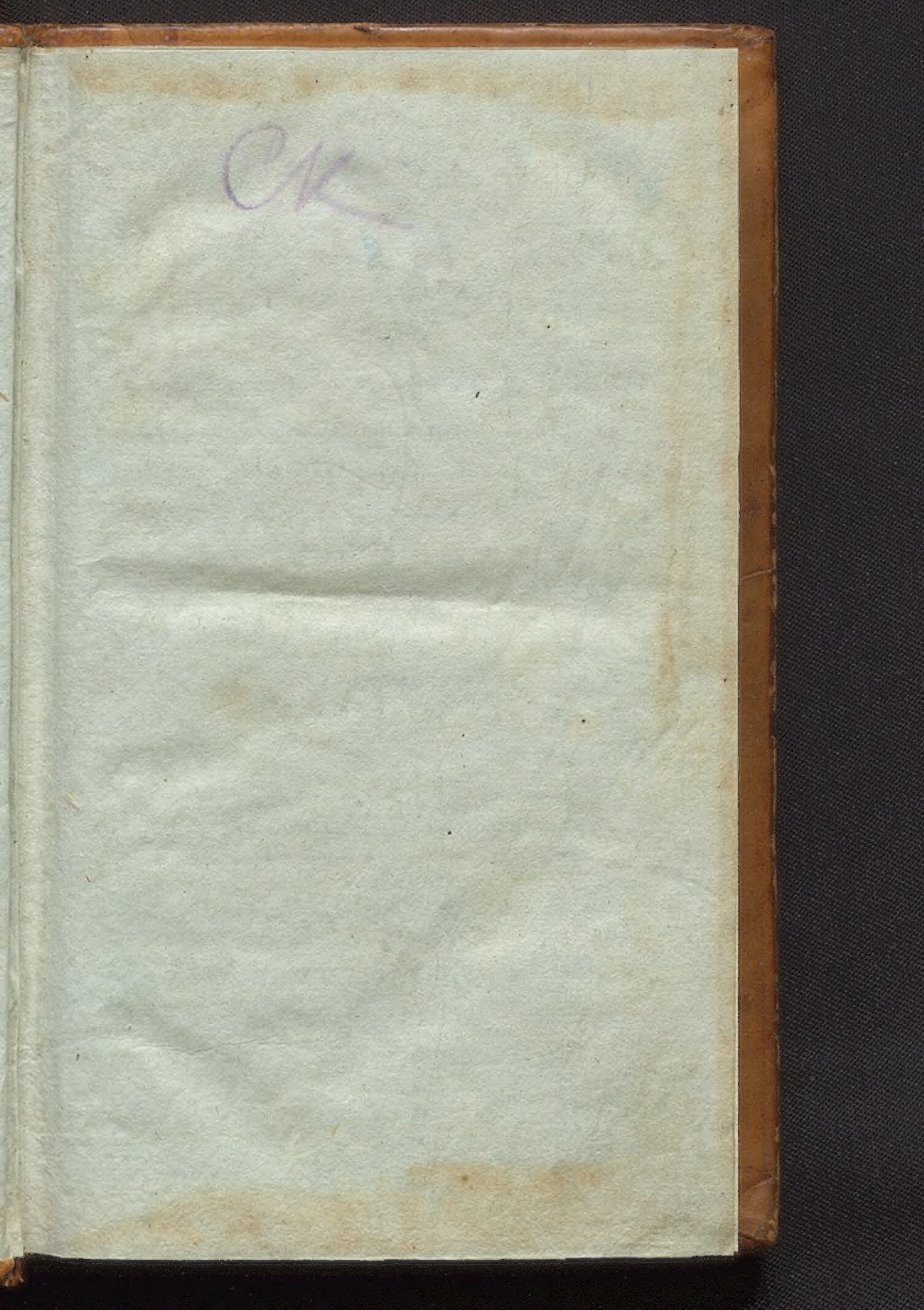

ПОЧТА ДУХОВЪ,

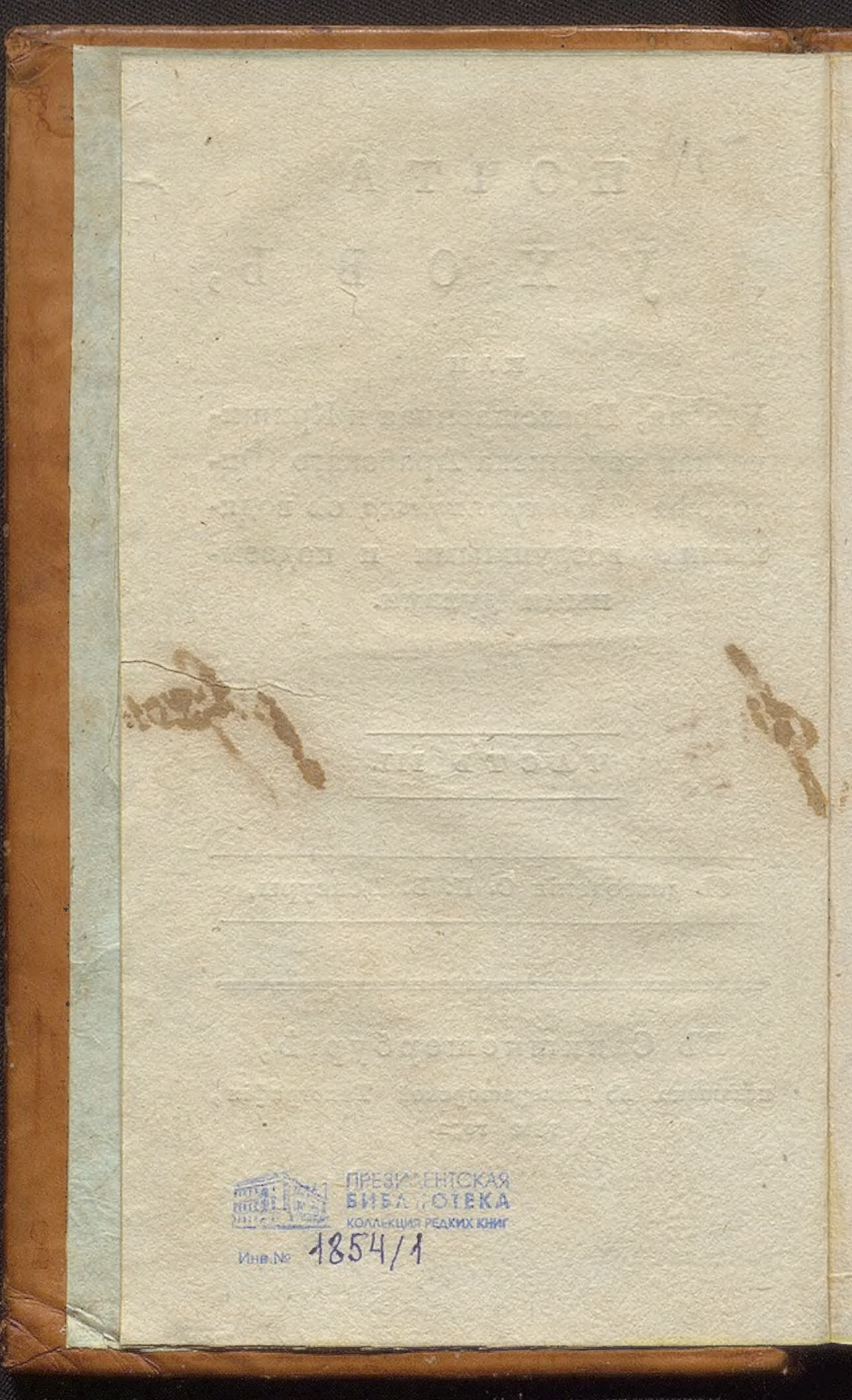
или

Ученая, Нравственная и Критическая переписка Арабскаго Философа *Маликульмулька* съ водяными, воздушными и подземными духами.

ЧАСТЬ III.

Съ дозволенія С. П. Б. Ценсуры.

ВЪ Санктпетербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи,
1802 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ III.

Письма къ волшебнику Маликульмульку.

Стран.

ПИСЬМО XXV. Отъ Сильфа Дальновида, о нѣкоторой болѣзни подобной меланхоліи, въ которую всякаго состоянія люди часто впадаютъ и проч. - - - 1

—— XXVI. Отъ Гнома Буристона: о переселеніи его въ другой островъ, гдѣ входилъ онъ въ прихожую и во внутренняя комнаты знатнаго вельможи и проч. 14

—— XXVII. Отъ Сильфа Выспрепара, о исканіи въ воздушной области тѣни одного секретаря, котораго не могъ тамъ найти и проч. - - - - 36

—— XXVIII. Отъ волшебника Маликульмулька къ Сильфу Дальновиду о томъ, что лучшій способъ сдѣлаться мудрымъ и добродѣтельнымъ есть то чтобъ размышлять и проч. 45

—— XXIX. Отъ Сильфа Дальновида, о праздности, которой всякаго состоянія люди безумно предаются, и какія бываютъ отъ того слѣдствія и проч. - 55

—— XXX. Отъ Гнома Зора, о книжныхъ лавкахъ, въ которыя онъ заходилъ и проч. - - - 65

Стран.

ПИСЬМО XXXI. Отъ Сильфа Дальновида, о ревности женщинъ, и какое мученіе мужья отъ нихъ претерпѣваютъ и проч. - - - 75

— XXXII. Отъ Астарота, о вылетѣніи его на землю для спасенія отъ висѣлицы одного крючкотворца и проч. - - - - 82

— XXXIII. Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку о томъ, что глупые люди часто въ свѣтѣ бываютъ счастливѣе ученыхъ и проч. - - - 96

— XXXIV. Отъ Гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку, о томъ, что Плутонъ и Прозерпина препоручили Фурбинію, и проч. - - - - - 113

— XXXV. Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку, о томъ, что пролѣтая мимо одного города, видѣлъ онъ свальбу и проч. 125

— XXXVI. Отъ Гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку, о вдовѣ встрѣтившейся съ нимъ въ одномъ судѣ, и проч. - 135

— XXXVII. Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку, о дворянствѣ и о дворянахъ, и проч. - - - - - 159

— XXXVIII. Отъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку, разговоръ двухъ тѣней, и проч. 172

ПОЧТА ДУХОВЪ.

ПИСЬМО XXV.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Часто случается, почтенный *Маликульмулькъ*, что люди всякаго состоянія имѣютъ въ жизни своей такіе часы, когда бываетъ имъ очень скучно; они приходятъ въ задумчивость, и впадаютъ какъ бы въ нѣкоторую болѣзнь, подобную меланхоліи; тогда нужно имъ какое нибудь лѣкарство, или какой нибудь способъ къ разогнанію ихъ задумчивости.

Величайшее искуство въ знаніи сего лѣкарства состоитъ въ томъ,

чтобъ знать совершенно нравъ и склонности страждущихъ сею болѣзнію. Есть люди, которые почти не имѣютъ въ себѣ души, и кажется, составлены изъ одной только вещественности. О таковыхъ, ежели бы спросили моего мнѣнія въ случаѣ ихъ задумчивой болѣзни, то я посовѣтовалъ бы возить ихъ въ каретѣ, или въ какомъ нибудь другомъ экипажѣ на разныя гулянья. Петиметру подалъ бы я совѣтъ, чтобъ онъ скакалъ во весь опоръ по улицамъ, обрыскалъ бы всѣ публичныя собранія, и какъ можно больше вертѣлся бы и прыгалъ; молодой дѣвушкѣ, чтобъ приманила она къ себѣ побольше волокитъ и выслушала бы ихъ любовныя изъясненія; старухѣ, чтобъ ворчала она на молодыхъ и бранила бы всѣ ихъ веселости; госпожѣ, чтобъ дралась съ своею служанкою; а придворному, чтобъ шаркалъ подолѣе во дворцѣ.

Все искуство докторовъ надъ больными такого рода, состоитъ только

въ томъ, чтобъ умѣть различать ихъ склонности, по которымъ въ одну минуту можно узнать причину ихъ болѣзней. Вмѣсто того, что доктора, слѣдующіе правиламъ *Иппократа* и *Галіена*, щупаютъ у своихъ больныхъ пульсъ и смотрятъ языкъ, доктора, умѣющіе пользовать сихъ скучныхъ и задумчивыхъ, узнавали бы ихъ болѣзнь по разнымъ ихъ поступкамъ; то есть: у мущинъ, какимъ образомъ на комъ надѣтъ парикъ, какъ кто причесанъ, какую имѣетъ выступку, какія ужимки, какъ изгибается въ поклонахъ, какимъ маннеромъ открываетъ табакерку и нюхаетъ табакъ; а у женщинъ, какъ у которой приколота ленточка, какимъ образомъ надѣтъ головной уборъ, какое движеніе дѣлаетъ она головою, какъ покусываетъ себѣ губы, прищуриваетъ глаза и повертываетъ опахаломъ. Они въ одну минуту проникли бы, отъ какого источника проистекаетъ ихъ болѣзнь и какія пред-

писать имъ лѣкарства. Ежели бы въ большомъ городѣ увидѣли они какую красавицу въ скукѣ и задумчивости, то узнали бы тотчасъ, что она скучаетъ быть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, и что ей непремѣнно нужно предписать частыя прогулки. А естьли бы увидѣли другую красавицу въ деревнѣ, худѣющую и почти умирающую отъ скуки; то одного на нее взгляда довольно бы было, чтобъ узнать, что ей надобно предписать городской воздухъ и частыя посѣщенія театральныхъ позорищь, маскарадовъ и всѣхъ публичныхъ собраній.

Вотъ какимъ образомъ должно поступать съ этими бездушными машинами, которыхъ въ людскихъ сообществахъ находится великое множество. Но употребленіе сего способа совсѣмъ не годится для людей одаренныхъ разумомъ и здравымъ разсудкомъ, для такихъ, напримѣръ, каковъ ты почтенный *Маликулмулькъ*,

то есть, для истинныхъ любомудровъ, прилѣпляющихся къ полезныхъ наукамъ, которые сходствуютъ съ обыкновенными людьми однимъ только тѣлеснымъ составомъ, изъ коего духъ ихъ, подобно какъ изъ темницы, не могъ еще освободиться. Люди сего свойства, будучи рѣдкими во всѣхъ своихъ чувствахъ, состоятъ на землѣ совсѣмъ въ особенной отъ другихъ степени. Они кажутся другимъ людямъ во всемъ чудными, потому что весьма отличаются отъ нихъ, какъ въ образѣ мыслей и въ разговорахъ, такъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, и даже въ одеждѣ. Они и въ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ поступаютъ совсѣмъ иначе, нежели какъ то дѣлаютъ простые люди; и потому-то невѣжды ввели въ пословицу о такихъ людяхъ говорить, что *нѣтъ никакого высокаго разума, который бы не имѣлъ въ себѣ какой нибудь глупости.* Но можно ли безумцамъ судить о мудре-

цахъ! Сіи мудрые люди были бы почтены во всемъ имъ подобными, естьли бы поступками своими не отличались.

Различіе сихъ мудрецовъ отъ обыкновенныхъ людей простирается даже до самыхъ увеселеній, нужныхъ для сохраненія ихъ здоровья. Ученые избираютъ для своей забавы совсѣмъ другіе предметы, нежели какіе бываютъ избираемы невѣждами, коими наполнены города и другія селенія. Они смертельно скучаютъ тѣмъ, что другихъ чрезвычайно увеселяетъ; зѣваютъ при слышаніи наилучшихъ музыкальныхъ концертовъ; засыпаютъ отъ пустыхъ и ничего не значущихъ разговоровъ; и внутренно терзаются увидя играющихъ въ карты, или въ другія какія игры. Всѣ сіи забавы нимало ихъ не утѣшаютъ, потому что оныя кажутся имъ низкими и недостойными того, чтобъ занимались ими разумныя созданія; а они для разогнанія своей скуки, обыкно-

венно избираютъ такіе предметы, которые могутъ доставить пріятное упражненіе ихъ разуму. Мудрая ихъ душа находитъ себѣ забаву и получаетъ свое отдохновеніе только тогда, когда они отъ вышнихъ наукъ обращаются къ посредственнымъ.

Мудрецовъ углубляющихся въ таинственныя науки, въ перемѣнѣ ихъ упражненій можно уподобить пьяницамъ, въ перемѣнѣ ихъ напитковъ. Сіи послѣдніе, приобыкши всегда пить водку и другіе самые крѣпкіе напитки, думаютъ о себѣ, что они тогда очень воздержны, когда на мѣсто крѣпкихъ напитковъ употребляютъ виноградное вино, или какую нибудь наливку. Такъ точно и мудрецы, сдѣлавъ привычку углубляться въ разсматриваніе стихійнаго міра и имѣть сообщеніе съ *Сильфами* и *Гномами*, почитаютъ всякую низшую предъ сею науку невиннѣйшею своею забавою.

Я самъ, почтенный *Маликульмулькъ,* имѣя такой же вкусъ, тѣ же

самые употребляю способы для возбужденія въ себѣ веселости. На мѣсто философической *Кабалистики*, которая бываетъ обыкновенною нашею пищею, прилѣпляюсь я къ *Кабалистикѣ Іудейской*. Для насъ она совершенная игрушка: тутъ нужно только выучить четыре, или пять таинственныхъ азбукъ. Какъ скоро узнаешь всѣ находящіяся въ нихъ буквы и будешь умѣть складывать и переворачивать ихъ разными способами; однимъ словомъ, какъ скоро научишься посредствомъ сихъ азбукъ порядочно читать составленное изъ ихъ буквъ, тогда никакія тайны въ природѣ не могутъ быть сокрыты.

Но я тебѣ признаюсь, почтенный *Маликульмулькъ*, что изъ всѣхъ азбукъ *Іудейской Кабалистики* есть самая любопытнѣйшая и забавнѣйшая азбука *Небесная*; въ ней каждая звѣзда представляетъ букву; сіи звѣзды различными своими положеніями составляютъ слова, изъ коихъ каждое озна-

чаетъ въ небѣ какое нибудь опредѣленіе, или оракулъ дающій рѣшеніе всему тому, что дѣлается на землѣ. И такъ, естьли кто умѣетъ читать сію прекрасную книгу, тотъ можетъ познавать всѣ человѣческія дѣянія и проницать даже въ самыя сокровеннѣйшія тайны. Тутъ можно видѣть, что происходитъ въ кабинетахъ Вельможъ; что дѣлается у запертыхъ въ комнатахъ вертопрашекъ; что бываетъ на улицахъ и даже въ самыхъ глухихъ переулкахъ. Какія иногда представляются чудныя и смѣшныя зрѣлища! Какъ люди счастливы, что немногіе знаютъ сію таинственную *Небесную* азбуку и не могутъ ее читать открытыми глазами.

А какъ я очень искусенъ въ этой наукѣ, то для меня нѣтъ никакого другаго пріятнѣе сего упражненія. Поелику каждое созвѣздіе управляетъ различными странами свѣта, то я съ помощію ихъ часто прогуливаюсь изъ *Европы* въ *Азію*, изъ *Китая* въ

Тишанію, и не рѣдко случается, что въ одну свѣтлую ночь вижу все то, чемъ можетъ удовольствовано быть мое любопытство. Въ одномъ мѣстѣ вижу Философа, который ежедневно преподавая людямъ наставленія о презрѣніи богатствъ, самъ внутренно терзается завистію, видя у сосѣда своего богатаго откупщика огромный домъ и великолѣпный садъ. Въ другомъ мѣстѣ усматриваю знатнаго Вельможу, который, гордясь предъ всѣми, пышными своими титулами и знатнымъ происхожденіемъ, обращается съ подлыми потаскушками въ сластолюбіи, и проводитъ время съ хитрыми обманщиками въ игрѣ. Чрезъ минуту потомъ, разсматриваю состояніе Парнасса и смѣюсь надъ нѣкоторыми марателями бумагъ, которые жалуются на дурной вкусъ въ чтеніи нынѣшняго вѣка людей, и думаютъ о себѣ, что они очень умны, и что всѣ сочиненія ихъ прекрасны. Такимъ-то образомъ

представляются моимъ взоромъ различныя зрѣлища; предо мною предстоитъ огромный театръ съ великолѣпнѣйшими украшеніями, на которомъ дѣйствующія лица всякаго состоянія: и Цари и придворные, и статскіе и военные, и пастухи и крестьяне играютъ различныя роли во всемъ совершенствѣ, очень сходно съ природою.

Я знаю, что многіе невѣжды будутъ насмѣхаться надъ сею *кабалистическою* наукою, и станутъ увѣрять, что это одна только выдумка; что изъ звѣздъ можно сдѣлать всякія буквы, какія захочешь, и составлять изъ нихъ такія слова, какія вздумается; но имъ въ отвѣтъ можно бы было сказать, что они то думаютъ потому, что нѣкоторые изъ нихъ очень часто, основывая мнѣнія свои на однихъ только догадкахъ, на вѣрное утверждаютъ о такихъ дѣлахъ, которыя совсѣмъ невѣрны. Напримѣръ: въ одномъ собраніи, въ разговорахъ

рѣшительно располагаютъ войною и миромъ, выводятъ войска въ поле, поражаютъ непріятелей, одерживаютъ страшныя побѣды, и наконецъ предсказываютъ, что чрезъ годъ случится, и чего совсѣмъ быть не возможно. Въ другомъ собраніи, дѣлаютъ утвердительное рѣшеніе о добродѣтеляхъ и порокахъ всѣхъ людей; увѣряютъ, что такой-то купецъ сдѣлался банкрутомъ дурнымъ своимъ поведеніемъ, что такой-то получилъ чинъ чрезъ разныя хитрости и обманы, и подлымъ угожденіемъ Министру; или, что такая-то Госпожа ласкаетъ своего мужа притворно; но естьли спросить: извѣстны ли первымъ мысли Государя, предпріятія Министра, и кабинетскія расположенія о войнѣ, или о мирѣ? а вторые разсматривали ли счеты обанкрутившагося купца, точно ли знаютъ всѣ хитрости произведеннаго въ чинъ господина, и входили ли во внутренность сердца той госпожи? — Совсѣмъ

нѣтъ..... главныя причины того, о чемъ они дѣлаютъ рѣшительныя утвержденія совершенно имъ неизвѣстны; но выводимыя ими изъ онаго слѣдствія почитаются самою истиною.

Сіе привело мнѣ на память, почтенный *Маликульмулькъ*, что нѣкогда между учеными предложена была на рѣшеніе задача: *которая наука всѣхъ нужнѣе въ свѣтѣ, и которую люди болѣе уважаютъ?* Одни говорили, что Богословія; другіе, что Юриспруденція; большая же часть утверждали, что всѣхъ важнѣе Медицина. Всѣ они думали имѣть на своей сторонѣ справедливость. Повсюду люди хотятъ, чтобъ другіе слѣдовали ихъ мыслямъ; или въ самыхъ сомнительныхъ дѣлахъ подаютъ свои совѣты тогда, когда о томъ совсѣмъ ихъ не просятъ; или думаютъ, что имѣютъ вѣрныя лѣкарства отъ всякой болѣзни. Что до меня, почтенный *Маликульмулькъ*, то я могъ бы утвердительно

сказать, что *Іудейская Кабалистика* предъ всѣми другими науками имѣетъ преимущество. Но въ нынѣшнемъ свѣтѣ почти нѣтъ ни одного человѣка, который не былъ бы *Кабалистомъ*, въ разсужденіи о своемъ ближнемъ. Нынѣ почти каждый, располагая по собственному своему пристрастію, о всякомъ дѣлаетъ утвердительныя рѣшенія: и хотя дѣла его и поступки совершенно ему неизвѣстны; однакожь онъ всѣхъ увѣряетъ, что говоритъ самую истину.

ПИСЬМО XXVI.

Отъ Гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку.

Третьяго дня, любезный *Маликульмулькъ*, перелетѣлъ я въ ближній островъ изъ спараго, въ которомъ былъ прежде. Нетерпѣливость удовольствовать странное желаніе *Илу-*

тона, принудило меня сдѣлать немалый скачокъ; но я думаю, что и еще триста такихъ скачковъ не наведутъ меня на желаемую находку.

Со всѣмъ тѣмъ не совершенно отчаяваясь, на сихъ дняхъ утромъ прохаживался я по одной изъ знатнѣйшихъ улицъ здѣшняго города, и вдругъ увидѣлъ передъ собою великолѣпный домъ, у коего было многочисленное собраніе народа, желающаго туда войти. Множество изуродованныхъ стариковъ старались перегнать здоровыхъ, и хромые припрыгивая на своихъ костыляхъ, завидовали безрукимъ, которые ихъ выпереживали. Между тѣмъ полдюжины сильныхъ лошадей привезли небольшой ящикъ, въ которомъ, какъ показалось мнѣ, положена была человѣческая фигура изъ разныхъ цвѣтовъ мрамора. Боже мой! сказалъ я моему хозяину (онъ дѣлалъ мнѣ честь прохаживаясь со мною) или ваши лошади очень слабы, или жители здѣшняго острова без-

расчетны, что впрягаютъ шесть такихъ сильныхъ тварей подъ одну каменную статую, въ которой вѣсу не болѣе двадцати пяти пудъ. — О какой статуѣ изволите вы говорить? спросилъ у меня хозяинъ; здѣсь не вижу я никакой статуи, продолжалъ онъ, а этотъ табунъ лошадей привезъ сухощаваго человѣка, въ два аршина и два вершка ростомъ, въ коемъ вѣсу не болѣе сорока шести или осьми фунтовъ. Послѣ сего еще другіе табуны лошадей подвозя такихъ же чудныхъ твореній, пылили своимъ топотомъ глаза нѣсколькимъ бѣднымъ людямъ, кои тащили на себѣ превеличайшій камень къ строенію какого-то публичнаго зданія.

Государь мой! сказалъ я моему хозяину, пожалуйте разтолкуйте мнѣ это странное обыкновеніе: для чего здѣсь множество лошадей возятъ на себѣ одного человѣка, который, какъ я вижу, самъ очень изрядно ходитъ; а на противъ того тяжелый камень

тащатъ столько людей, сколько числомъ и лошадей поднять его едва въ силахъ? и не лучше ли бы было, что бы отпрягши отъ этихъ ящиковъ хотя по нѣскольку безполезно припряженныхъ лошадей, употребить ихъ на вспоможенiе этимъ бѣднякамъ везти камень? — Я не знаю сударь, отвѣчалъ хозяинъ, почему здѣсь десять человѣкъ тянутъ часто сто по два пудъ, и почему шесть лошадей тащатъ машину съ руками и съ ногами въ шестьдесятъ фунтовъ; но то знаю, что всякой изъ сихъ надутыхъ тварей почтетъ себѣ величайшимъ оскорбленiемъ, естьли отпречь хотя одну лошадь отъ его ящика, и что многiе изъ здѣшнихъ жителей мучатся по пятидесяти лѣтъ и болѣе, только для того, чтобы нажить шестерку лошадей, которая бы таскала ихъ истощившуюся Мумiю; — но какая выгода сихъ господъ, спрашивалъ я, передъ тѣми, коихъ возитъ одна пара? — Та, отвѣчалъ онъ, что

они не рѣдко, пользуясь своею шестернею, сминаютъ ихъ на дорогѣ; а притомъ и всѣ пѣшеходцы отдаютъ всякой шестернѣ всевозможное уваженіе и уступаютъ скорѣе дорогу для того, что она одна проѣзжая мимо ихъ можетъ вдругъ десятерыхъ забрызгать грязью съ ногъ до головы. Посмотрите, какъ всѣ прихожіе у этаго дома тѣснятся и мнутъ другъ друга, чтобы не быть задавленнымъ прискакивающими ежеминутно табунами? — Вижу, отвѣчалъ я; но скажите мнѣ, какое здѣсь собраніе, и что это за домъ?... не храмъ ли? — Нѣтъ. — Не театръ ли? — Нѣтъ. — Такъ не аукціонная ли комната? — И то нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ; а все это вмѣстѣ. Храмомъ можно назвать этотъ домъ потому, что всякое утро бываетъ въ немъ поклоненіе живому, но глухому и слѣпому идолу; театромъ потому, что здѣсь нѣтъ ни одного лица, которое бы то говорило, что думало, не выключая

и самаго сего Божества; а аукціонною комнатою потому, что тутъ продаются съ молотка публичныя достоинства. И такъ, нѣкоторые изъ сего народа бродящаго въ комнатахъ и на крыльцѣ, пріѣхали сюда для того, чтобы сдѣлать поклоненіе сему идолу и потомъ надуться гордостію, естьли онъ хотя нечаянно на нихъ взглянетъ; другіе за тѣмъ, чтобы съ улыбкою увѣрить его о своей дружбѣ тогда, когда стараются они ископать для него тысячу погибелей; а третьи прискакали съ поспѣшностію, чтобъ набивкою цѣны перехватывать другъ у друга публичныя мѣста, которыя его секретарь и старшая любовница продаютъ съ молотка во внутреннихъ своихъ комнатахъ. Теперь вы видите, продолжалъ онъ, что это домъ знатнаго барина; а правда ли то, что я вамъ говорилъ, то естьли вы туда войдете, вся эта толпа будетъ вамъ служить очевиднымъ свидѣтелемъ. —

Но когда можно туда войти? спросилъ я. — Вы еще и теперь успѣете, отвѣчалъ онъ, на дворѣ очень рано; сюда только что начали съѣзжаться; вотъ еще осьмнадцать скотовъ притащили трехъ безполезныхъ человѣкъ, ступайте скорѣе, естьли вы любопытны: тамъ сего дня прекрасное собраніе, и я не медля нимало продрался въ покои.

Многочисленное общество здоровыхъ и изуродованныхъ бѣдняковъ наполняли переднюю комнату; блѣдныя ихъ лица и изодранныя платья показывали, сколь нужна была имъ помощь; вольность и веселіе были изгнаны изъ сихъ печальныхъ стѣнъ; многія женщины плакали, разсказывая о своихъ несчастіяхъ близь стоящимъ; но рѣдкіе имъ сострадали, а всякой занимался болѣе своими собственными злополучіями. Отягченные усталостію и лѣтами старики облокачивались своими сѣдыми головами о холодныя стѣны, и въ дремотѣ за-

бывали и о вельможѣ и о своихъ бѣдствіяхъ, доколѣ больные несчастливцы не разрушали слабаго ихъ забвенія своимъ оханьемъ. Нѣкоторыя женщины приводили туда своихъ младенцевъ, конечно для того, что бы болѣе возбудить о себѣ сожалѣніе въ вельможѣ. Бѣдныя матери, что бы утѣшить своихъ дѣтей, которыя просились домой, давали имъ куски черстваго и засохлаго хлѣба, и множество голодныхъ просителей съ печальною завистію смотрѣли на ребенка, который можетъ быть доѣдалъ послѣдній кусокъ въ своемъ домѣ. Словомъ: прихожая сего барина походила болѣе на больницу убогаго дома, нежели на комнату знатнаго господина; и въ самыхъ темницахъ, любезный *Маликульмулькъ*, едва ли можно найти болѣе бѣдности и унынія.

Не ошибкою ли я сюда вошелъ? спрашивалъ я близь меня стоящаго старика, мнѣ сказали, что это

комнаты Его Превосходительства.*** Точно сударь, отвѣчалъ старикъ, это его пригожая, или лучше сказать прохожая; ибо онъ только черезъ нее проходитъ къ своей великолѣпной каретѣ, не успѣвая и взглянуть на множество бѣдныхъ просителей, которыхъ обманчивая надежда не замедливаетъ опять приводить въ его домъ. — Какъ! вскричалъ я, и его окаменѣлое сердце не трогается воплемъ сихъ несчастныхъ женщинъ, сихъ стариковъ, и изуродованныхъ просителей; онъ имѣетъ жестокость не внимать ихъ стонамъ! — Внимать сударь, говорилъ печально старикъ; они ими утѣшаются: множество просителей составляетъ великолѣпіе вельможъ, и они наперерывъ стараются накапливать ихъ большее число, помаипвая иногда пустыми обѣщаніями. Я самъ, государь мой, я самъ посѣдѣлъ на этой скамейкѣ; цѣлыхъ 20 лѣтъ я былъ зрителемъ и дѣйствующимъ лицемъ сего плачевнаго

театра; однакожь еще и нынѣ ни чуть не надѣюсь скораго рѣшенія моего дѣла, котораго совсѣмъ тѣмъ оставить мнѣ никакъ не можно. Я вижу, продолжалъ онъ, что вы еще новы въ здѣшнемъ мѣстѣ. — Это правда, отвѣчалъ я, и я бы просилъ васъ удовольствовать въ нѣкоторыхъ вопросахъ мое любопытство.... Скажите мнѣ, что это за бумаги, которыя другъ другу показываютъ многіе находящіеся въ сей комнатѣ. — Это бумаги, говорилъ старикъ, называемыя просительными письмами; просители стараются какъ можно чище и краснорѣчивѣе ихъ написать: они самыми живыми красками доказываютъ въ нихъ свою бѣдность или несчастія, которыя иногда столь ясно описаны, что могли бы имѣть успѣхъ и у самаго жестокосердаго вельможи. — Они конечно смягчаютъ, спросилъ я, сихъ баръ? — Нимало, отвѣчалъ старикъ, знатные имѣютъ предосторожность не заглядывать

въ сіи письма, и потому-то краснорѣчіе самаго лучшаго писателя остается безъ дѣйствія. Въ сіе время услышалъ я позади себя оханье одного безногаго, который сидѣлъ въ углу комнаты, и я осмѣлился спросить у него о причинѣ столь великой его горести. — Я вздыхаю сударь о томъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, что у меня оторвали ногу, а не голову: я бы вѣчно не зналъ, что такое есть прихожая знатныхъ. Года съ четыре на задъ, продолжалъ онъ, нѣкоторый знатный господинъ предложилъ мнѣ вступить въ военную службу, онъ описалъ мнѣ самыми разительными словами, какую могу я сдѣлать пользу своимъ землякамъ, сдѣлавшись хорошимъ воиномъ; сердце мое наполнилось тогда жаркою любовію къ отечеству, и я оставя торговлю посвятилъ себя войнѣ. Имѣя отважный духъ, всячески старался я оказывать себя во всѣхъ сраженіяхъ, покуда пушечное ядро не наказало моего безумнаго бѣшенства:

оно унесло мою ногу, а съ нею вмѣстѣ и покровительство моего начальника, которому нужны были любимцы съ обѣими ногами. Мнѣ однакожь сказано, что я могу имѣть пропитаніе отъ отечества, которому жертвовалъ собою. Наконецъ я уволенъ отъ службы, наживъ въ оной 30 ранъ и деревянную ногу. Съ такимъ-то прекраснымъ доказательствомъ моей храбрости, явился я къ сему вельможѣ; онъ очень учтиво меня принялъ и обѣщалъ мнѣ выходить порядочное пропитаніе; съ такою радостною надеждою таскаюсь я къ нему уже четыре года на моей деревяшкѣ; но онъ иногда изволитъ меня увѣщавать, чтобъ я пообождалъ до случая, выхваляя передо мною самыми отборными словами терпѣніе.... Я вѣрю, что его похвала прекрасна и краснорѣчива; но вѣрю такъ же и тому, что я со временемъ, къ его славѣ и къ чести моего отечества, умру въ этой прихожей съ голоду.... Едва

докончилъ онъ свою повѣсть, какъ голосовъ въ шесть закричали: вотъ онъ! вотъ онъ! и всѣ зачали обступать какого-то толстаго человѣка, который съ довольною гордостью отвѣчалъ на низкіе поклоны заслуженныхъ стариковъ, которые гнулись передъ нимъ до пояса.... Я продирался, какъ могъ, сквозь просителей, и не успѣлъ еще подраться, какъ они опять закричали: онъ ушелъ. — Кто это былъ, спрашивалъ я у нихъ; не самъ ли Его Превосходительство? — Нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ какой-то осиплой голосъ, это его комнатный служитель, котораго мы просили, что бы онъ доложилъ объ насъ Его Превосходительству; но намъ сказали, что онъ самъ скоро выдетъ, и что велѣно уже подавать карету. Тогда многіе зачали вновь перечитывать и приготовлять свои письма, а я между тѣмъ пошелъ далѣе, и прошедъ комнаты черезъ двѣ, увидѣлъ совсѣмъ другое зрѣлище.

Я вошелъ въ комнату, которая вся наполнена была чиновными и богатыми, которые съ гордостью смотрѣли другъ на друга. Тамъ богатый откупщикъ стоялъ нерадиво у окошка и выслушивалъ повѣсть у чиновнаго; надутый гордостью судья зѣвалъ въ креслахъ, между тѣмъ, какъ передъ нимъ молодой офицеръ разсказывалъ о своихъ двадцати побѣдахъ: какъ онъ переколотилъ своею рукою съ 700 человѣкъ непріятелей и выломилъ городскія ворота, не получа ни одной раны, за что, будучи одобренъ свидѣтельствомъ своего дядюшки, и подъ покровительствомъ своей бабушки, пріѣхалъ просить богатаго награжденія. Въ другомъ мѣстѣ Стихотворецъ надувъ щеки, читалъ съ важностію ничего не значущія свои бредни, которыя украсилъ онъ именемъ Его Превосходительства, прописывая, что онъ не имѣя въ виду никакой корысти, подноситъ ему свои труды, какъ покровителю наукъ, который

никогда не оставляетъ дарованія безъ награжденія; или лучше сказать, онъ начиналъ свое письмо хвалою своему некорыстолюбію, а оканчивалъ тѣмъ, что просилъ за свою книгу хорошей платы.

Сей послѣдній сдѣлалъ мнѣ честь своими учтивостями, и подошедъ ко мнѣ, показывалъ свое приношеніе. Это была книга о златомъ вѣкѣ; я прочелъ въ ней нѣсколько строкъ, въ которыхъ Авторъ браня изо всей силы нынѣшнія времена, выхвалялъ тѣ годы, которые были за 30000 лѣтъ до нашего времени. — Я сомнѣваюсь, сказалъ я ему, понравится ли ваша книга Его Превосходительству; вы въ ней хвалите такой вѣкъ, въ которомъ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; ни знатныхъ, ни просителей; и подносите ее знатному вельможѣ. — О! это ничего сударь, отвѣчалъ мнѣ Авторъ, наши вельможи держутъ у себя въ библіотекахъ самыя прекрасныя правоученія и самыя острыя

Критики; но со всѣмъ тѣмъ никогда не жалуются на Авторовъ, для того, что ихъ не читаютъ. Здѣшнему вельможѣ можно, не опасаясь нимало, поднести на него на самаго три тома Сатиръ, за которыя иногда изъ тщеславія заплатитъ онъ деньги и отдастъ своему библіотекарю. — Какъ! спросилъ я, ктожъ у васъ читаетъ *Платоновы* сочиненія *о должностяхъ; наставленіе Политикамъ; о состояніи земледѣльцевъ* и *о званіи вельможъ?* — Купцы и мѣщане, отвѣчалъ Авторъ; а вельможи читаютъ веселыя сказки, дѣтскія выдумки и шутливыя басни. — Такъ по этому, сказалъ я, вы бы лучше сдѣлали, естьлибъ поднесли ему какую нибудь книгу такого содержанія. — О! какъ вы мало знаете свѣтъ! вскричалъ Авторъ, повѣрьте мнѣ, сколько бы ни веселила его такая дѣтская книга, но онъ заплатилъ бы за нее однимъ презрѣніемъ, и сколько бы, напротивъ того, ни скучна была книга подъ нравоучитель-

нымъ названіемъ; но я конечно бы былъ изрядно за нее заплаченъ: наши вельможи совсѣмъ не таковы въ свѣтѣ, каковы въ своихъ кабинетахъ; въ публикѣ часто они бранятъ то, что у себя жалуютъ, и часто наружно хвалятъ то, что внутренно ненавидятъ; спросите у всякаго вельможи, каковы для него кажутся *Юстіевы разсужденія* и *примѣчанія Ришелье?* Онъ вамъ побожится всѣмъ, чемъ хотите, что онъ ничего вѣчно не читывалъ основательнѣе и умнѣе сихъ сочиненій; но естьли вздумаете вы спросить о содержаніи этихъ книгъ, то рѣдкаго вельможу не приведете такимъ вопросомъ въ смущеніе. Вотъ, продолжалъ онъ, каковы у насъ многіе вельможи; совсѣмъ тѣмъ всѣ почитаютъ ихъ счастливыми, и мѣлкочиновные всячески ищутъ быть на ихъ мѣстѣ, которое получа, не одинъ разъ въ сутки проклинаютъ; что до меня, то я лучше хочу доставать отъ нихъ за подносимыя мною

книжки деньги, нежели бывъ на ихъ мѣстѣ платить за то, на что никогда взглянуть мнѣ не удастся. — Но скажите мнѣ, знаете ли вы сего вельможу коротко? спрашивалъ я моего Оратора; признаюсь вамъ, что я нахожу великую разницу въ вашемъ письмѣ съ тѣмъ, что видѣлъ собственными моими глазами: вы выхваляете его добродѣтель; а я въ его прихожей примѣтилъ нѣсколько человѣкъ, которые въ двадцать лѣтъ не испросили еще отъ него ни одной милости; вы превозносите его снизхожденіе, а онъ ни чьихъ прозьбъ не слушаетъ, почитая уже и то важнымъ, когда мимо своихъ просителей пробѣжитъ къ своей каретѣ; да и сего часто не дѣлаетъ, а выѣзжаетъ со двора совсѣмъ съ другаго подъѣзда. — О! сударь, вскричалъ Сочинитель, конечно вы очень мало обращались между людьми, когда не знаете, что это правило подносительнихъ писемъ: въ нихъ почти

всегда одними словами выхваляется тотъ, кому подносится книга, хотя подноситель не только его подробно, но и имя его мало знаетъ: отъ того-то вельможи съ самаго начала своей знатности, читая въ письмахъ, сколь они добродѣтельны, думаютъ о себѣ, что и въ самомъ дѣлѣ публика о нихъ такъ заключаетъ, и не стараются подтверждать своими дѣлами то, что мы пишемъ въ письмахъ. — Но естьли какимъ нибудь случаемъ не удастся вамъ получить отъ нихъ награжденіе, спрашивалъ я, что вы тогда дѣлаете? — Мы пишемъ на нихъ Сатиры, отвѣчалъ онъ, и хотя они ихъ не читаютъ; но мы дѣлаемъ такъ, какъ маленькіе ребятки, которые по привычкѣ плюютъ на тотъ столбъ, о которой ушиблись, и думаютъ, что тѣмъ ему довольно отмстили; мы.... Вдругъ отворилась дверь, и всѣ разступились на двѣ стороны, чтобъ дать дорогу.

Вельможа убранный великолѣпно вышелъ изъ своего кабинета съ веселымъ видомъ; онъ очень учтиво кланялся на всѣ стороны; со многими улыбался; а инымъ шепталъ на ухо, и они почитали себя счастливыми. Послѣ того принималъ онъ письма со увѣреніемъ, что чрезъ два дни всѣ ихъ разсмотритъ; но я уже имѣлъ причину тому не вѣрить.

Я примѣтилъ, что многія просительныя письма были довольно толсто свернуты, и такія принимались съ большею благосклонностью; а наполненныя однимъ краснорѣчіемъ отдавались секретарямъ. Между тѣмъ добрался мой сочинитель, и съ нижайшими поклонами поднесъ ему свою книгу. Будьте увѣрены, сказалъ ему Вельможа, что дарованія ваши не останутся забыты; я не премину наградить васъ при перьвомъ случаѣ; я уже знаю, что книга ваша прекрасна; возьмите, сказалъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, и отпе-

сите ее ко мнѣ въ кабинетъ, я надѣюсь заняться ею нѣсколько дней. Приближенный взялъ ее у него изъ рукъ и отдалъ ее секретарю, который, какъ я примѣтилъ, вошедъ въ кабинетъ бросилъ ее подъ столъ, наполненный старыми бумагами. Между тѣмъ Вельможа продолжалъ степенно шествовать къ прихожей, кланяясь на обѣ стороны всѣмъ и ни на кого не смотря; онъ дѣлалъ внимательное лице ко многимъ словеснымъ прозьбамъ, изъ которыхъ однакожь ни одного слова не выслушивалъ, а былъ занятъ, какъ я примѣтилъ, совсѣмъ другими разсужденіями. При приближеніи къ дверямъ пустился онъ какъ молнія чрезъ прихожую, закутавшись въ свой плащь, и не внимая тысячѣ голосовъ, относящихъ къ нему прозьбы несчастныхъ, и едва успѣлъ сказать имъ всѣмъ, чтобы побывали они *завтра*, какъ сѣвши въ карету пропалъ изъ вида и оставилъ въ отчаяніи бѣдныхъ просителей.

Что до меня, сказалъ толстой Судья, то я всего вѣрнѣе надѣюсь получить обѣщанное мѣсто; краснорѣчіе золота никогда не обманетъ. Пусть бѣдные стонутъ, что ихъ не выслушиваютъ; но мы, у которыхъ кошельки плотны; мы право не имѣемъ причины жаловаться на Вельможъ: правда, что мы дорого имъ платимъ; но наши челобитчики послѣ заплатятъ намъ то съ выгодою, что мы отдаемъ Вельможѣ за то, чтобы высасывать изъ кошельковъ у просителей. — И я, сказалъ молодой повѣса, который хвалился, что побилъ 700 человѣкъ, не меньше вашего надѣюсь получить награжденіе; бабушка моя родня комнатной дѣвушкѣ его любовницы; а предстательство сей Нимфы дороже всякихъ свидѣтельствъ: есть ли бы я и совсѣмъ не показываясь къ сраженію, всклепалъ на себя, что перебилъ три тысячи человѣкъ, то и тогда бы мнѣ повѣрили, и наградили бы мою храбрость; пускай тру-

дятся бѣдняки не имѣющіе представительствъ; нашу братью не рѣдко болѣе награждаютъ за храброй языкъ, нежели ихъ за храбрыя дѣла.

Вотъ, любезный *Маликульмулькъ!* какого я нашелъ Вельможу: говорятъ что здѣсь есть много изъ нихъ добродѣтельныхъ; но и одинъ порочный дѣлаетъ пятно Правительству, лишая счастія многихъ достойнѣйшихъ себя людей.

ПИСЬМО XXVII.

Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку.

При послѣднемъ нашемъ съ тобою свиданіи, премудрый *Маликульмулькъ*, просилъ ты меня развѣдать, гдѣ находится точное пребываніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ тебѣ тѣней. Исполняя сіе твое желаніе, облѣталъ я всѣ предѣлы обширной воздушной обла-

сти; однакожь не могъ получить объ нихъ никакого свѣденія. Клянусь тебѣ честію *Сильфа*, что нѣтъ между счастливыми воздушными обитателями души того Секретаря, о участии котораго ты болѣе, нежели о прочихъ, узнать любопытствовалъ. Едва во время моего о томъ развѣдыванія, могъ я отыскать нѣсколько и судейскихъ тѣней; ибо люди отправляющіе на землѣ правосудіе, рѣдко бываютъ столь чисты, чтобъ могли прожить въ воздухѣ до того страшнаго и великаго дня, когда всѣ твари предстанутъ къ подножію престола Всемогущаго Судіи всего свѣта, дабы услышать приговоръ некончаемаго своего блаженства, или вѣчнаго ничтожества.

Для меня весьма казалось удивительно, что когда спрашивалъ я о семъ Секретарѣ у нѣкоторыхъ встрѣчающихся со мною тѣней, то при одномъ его названіи, содрогались онѣ отъ негодованія и мгновенно прочь

отъ меня отлѣтали. Молчаніе ихъ служило мнѣ вмѣсто отвѣта, и я потерялъ было совсѣмъ надежду узнать, отъ чего происходило сіе ихъ неудовольствіе, какъ предстала предъ меня тѣнь нѣкотораго судьи, которая, казалось, не столько удивлялась моимъ вопросамъ, какъ прочія.

„Здѣсь нѣтъ той тѣни, которой „ты ищешь, сказала она мнѣ; а ста-„райся отыскать ее у *Гномовъ*, или „у *Ондиновъ*. Конечно неизвѣстно „тебѣ, какую жизнь провождала она „на землѣ, когда думаешь найти ее „между счастливыми воздушными оби-„тателями. Ты долженъ знать, что „никогда душа корыстолюбиваго Се-„кретаря не заражала сихъ прелест-„ныхъ мѣстъ несноснымъ своимъ „присутствіемъ.„

Ты мнѣ кажется, отвѣтствовалъ я Судьѣ, *не столь гнѣвливъ, какъ прочія попадавшіяся мнѣ тѣни; и такъ пожалуй скажи мнѣ, отъ чего происходитъ, что названіе Секретаря не*

столько для тебя отвратительно, какъ для прочихъ?

„Причина тому та, отвѣтство„валъ мнѣ Судья, что я такимъ лю„дямъ, каковъ былъ тотъ секретарь, „о которомъ ты распрашиваешь, обя„занъ великою благодарностію; безъ „нихъ не былъ бы я, можетъ быть, „никогда въ блаженномъ семъ жилищѣ.„ *Слова твои*, отвѣтствовалъ я ему, *кажутся мнѣ очень странны. Какъ можешь ты считать себя обязаннымъ за полученное тобою благополучіе такимъ людямъ, которыхъ всѣ почитаютъ столь злыми и ненавистными?* „Ты не станешь сему удивляться, „отвѣтствовалъ судья, когда узнаешь, „что во время моей жизни ни о чемъ „я столько не старался, какъ выво„дить наружу всѣ плутни приказ„ныхъ крючкотворцевъ. Я наказывалъ „ихъ жесточайшимъ образомъ, и по„средствомъ моей строгости имуще„ство многихъ бѣдныхъ вдовъ и не„счастныхъ сиротъ избавлено было

,,отъ хищныхъ рукъ сихъ гнусныхъ ,,корыстолюбцевъ.,,

,,Я хочу, продолжалъ судья, раз-,,сказать тебѣ, что случилось со ,,мною по выходѣ изъ того свѣта. ,,Лишь только я умеръ, то душа моя ,,вознеслась мгновенно даже за пре-,,дѣлы огненной Атмосферы: тутъ ,,предстали предъ меня два духа, изъ ,,коихъ одинъ долженъ былъ меня за-,,щищать, а другой обвинять. По-,,слѣдній возвыся свой голосъ, при-,,носилъ къ подножію Престола Все-,,могущаго Судіи всѣ содѣланныя мною ,,погрѣшности, и утверждалъ, что ,,по причинѣ безпорядковъ моихъ во ,,время молодости, недостоинъ я на-,,слаждаться счастливою жизнію ме-,,жду воздушными обитателями. Онъ ,,упрекалъ меня, что съ неистов-,,ствомъ предавался я постыднымъ ,,забавамъ, что долгое время пребы-,,валъ въ оковахъ у женщинъ, и что ,,былъ подверженъ многимъ другимъ ,,порокамъ, какъ-то: гнѣву, гордости

„и тщеславію. Слыша сіе обвиненіе,
„я полагалъ уже навѣрное, что буду
„помѣщенъ въ жилищѣ *Гномовъ*, или
„по малой мѣрѣ у *Ондиновъ*, какъ духъ
„долженствующій меня защищать,
„представлялъ въ оправданіе мое слѣ-
„дующее. Правда, говорилъ онъ, что
„въ молодости своей былъ онъ под-
„верженъ слабостямъ свойственнымъ
„всѣмъ человѣкамъ; однакожь рев-
„ность, съ каковою отправлялъ онъ
„потомъ возложенную на него долж-
„ность, заглаживаетъ всѣ его по-
„грѣшности. Во время своей жизни
„наказалъ онъ жесточайшимъ обра-
„зомъ болѣе ста корыстолюбивыхъ
„секретарей, и чрезъ то избавилъ
„отъ конечнаго разоренія съ три
„тысячи бѣдныхъ вдовъ, и съ четыре
„тысячи безпомощныхъ сиротъ. Но
„почто исчислять, сколько несча-
„стныхъ защитилъ онъ отъ нена-
„сытнаго ихъ корыстолюбія? Всѣмъ
„извѣстно, что не только многіе,
„но и одинъ крючкотворецъ, естьлибъ

„только было въ его власти, не по-
„совѣстился бы для своего прибытка
„разорить цѣлое Государство. И такъ,
„продолжалъ онъ, что можетъ быть
„полезнѣе для общественнаго благо-
„состоянія, какъ обуздывать пагуб-
„ное стремленіе сихъ лютыхъ исча-
„діевъ ябеды и крючкотворства?
„Естьлибъ въ какомъ Государствѣ
„было двѣсти такихъ судей, которые
„старались бы искоренять сихъ из-
„верговъ, то безъ сомнѣнія золотой
„вѣкъ въ скоромъ времени тамъ паки
„бы возобновился; и такимъ образомъ
„сообразя ревность сей обвиняемой
„души къ оказанію правосудія, и до-
„брый примѣръ оставленный ею на
„землѣ прочимъ судьямъ, возможно
„ли воспрещать ей наслаждаться сча-
„стливою жизнію въ сообществѣ воз-
„душныхъ обитателей.„

„Симъ окончилъ онъ свою рѣчь.
„Обвиняющій меня духъ началъ было
„опровергать то, что говорилъ онъ
„въ мое оправданіе: но въ самое то

,,время раздался по небеснымъ сво-
,,дамъ величественный гласъ право-
,,суднаго Божества.,, *Да вселится*, вѣщалъ онъ, *душа представленная на судъ предъ моимъ престоломъ, въ жилище Сильфовъ. Милосердие мое въ воздаяние за то, что сей судья защищалъ вдовъ и сиротъ отъ грабительства корыстолюбивыхъ секретарей, прощаетъ ему всѣ его погрѣшности, и да промчится вѣсть сія повсюду, что всѣ судьи поступающие такимъ образомъ, какъ онъ, найдутъ во мнѣ кроткаго и снизходительнаго Судию.*

,,При сихъ словахъ палъ я ницъ,
,,возсылая хвалу милосердію Всемогу-
,,щаго; и послѣ сего защитникъ мой
,,проводилъ меня самъ въ сіи счаст-
,,ливыя мѣста, гдѣ пробуду я до
,,самаго того времени, когда всѣ
,,праведники призовутся въ нѣдра
,,всеблагаго Бога.,,

Окончавъ свое повѣствованіе, тѣнь сего мудраго судьи совѣтывала мнѣ не искать болѣе въ тѣхъ мѣстахъ,

души того секретаря, о которомъ желалъ ты получить извѣстіе: и послѣ того отлетѣла она за нѣсколько тысячь миль, для свиданія съ нѣкоторымъ надзирателемъ надъ больницами, который, какъ тебѣ извѣстно, отъ всѣхъ воздушныхъ тѣней весьма уважается.

Мнѣ очень досадно, премудрый *Малкульмулкъ*, что не взирая на все мое стараніе не могъ я исполнить твоего повелѣнія: можешъ быть узнаешь ты о томъ скорѣе отъ *водяныхъ* или *подземныхъ* обитателей; но по моему мнѣнію гораздо будетъ лучше, естьли потребуешь ты о томъ свѣденія отъ адскаго какого духа; ибо души столь злыхъ людей, каковы крючкотворцы, мало бы были наказаны, естьлибъ опредѣлено было жить во глубинѣ моря, или въ нѣдрахъ земли: адъ долженъ быть настоящимъ ихъ жилищемъ, а въ семъ мнѣніи наиболѣе удостовѣряюсь я тѣмъ, что какъ *Гномы* сохраняютъ въ землѣ

богатые металлы и драгоцѣнные каменья, а Ондины соблюдаютъ великія сокровища, потерянныя смертными; то корыстолюбивые секретари почли бы ихъ жилища весьма для себя выгодными. Безъ сомнѣнія завели бы они и тамъ ябеднические свои крючки, посредствомъ которыхъ учинились бы, можетъ быть, со временемъ совершенными обладателями всѣхъ хранимыхъ ими сокровищь.

ПИСЬМО XXVIII.

Отъ волшебника Маликульмулька къ Сильфу Дальновиду.

Всѣ получаемыя мною отъ тебя письма, любезный *Дальновидъ*, приносятъ мнѣ великое удовольствіе, и я всегда съ утѣшеніемъ усматриваю въ нихъ основательныя твои разсужденія о многихъ поступкахъ людей, чрезъ которыя заслуживаютъ они

осужденіе. Ты очень хорошо дѣлаешь, что входишь во всѣ ихъ состоянія и примѣчаешь ихъ слабости и пороки; ибо, чтобъ сдѣлаться мудрымъ и добродѣтельнымъ, наилучшій способъ есть тотъ, чтобъ размышлять о глупостяхъ и о странныхъ нравахъ людей. Разсматривая прилѣжно непостоянство разума человѣческаго, непремѣнно будешь остерегаться, чтобъ самому не впасть въ такіе же пороки, какія въ другихъ осуждаешь.

Сколько есть такихъ людей, кои отъ нестаранія познавать нравы и обычаи своихъ согражданъ, безъ всякаго размышленія предаются безумной вѣтренности и перенимаютъ самыя смѣшныя и вздорныя обыкновенія, нимало не примѣчая своего заблужденія? Ежели бы они хотя одинъ разъ обратили примѣчательные взоры на различныя поведенія всѣхъ людей и не захотѣли бы принимать никакого другаго правила, никакой моды и никакого обычая, кромѣ тѣхъ, кои

сообразовались бы съ здравымъ разсудкомъ, тогда защитили бы себя отъ заблужденія; ибо глупость, примѣчаемая ими въ другихъ, заставила бы ихъ узнать и свое безуміе.

Свѣтъ есть обширное училище, открытое для всѣхъ желающихъ научиться; нужно только входить въ подробное разсмотрѣніе разныхъ случающихся въ немъ произшествій и совсѣмъ противныхъ онымъ введенныхъ людьми обычаевъ, тогда будешь имѣть всѣ желаемые способы, чтобъ сдѣлаться совершеннымъ Философовъ.

Пороки, примѣчаемые нами въ другихъ людахъ, могутъ служить для насъ всегдашними наставленіями; и можно очень справедливо сказать, что для наученія мудрости ничего нѣтъ лучше, какъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ слабостей человѣческихъ. Глупости вертопраха, безчинства нахала, и безуміе невѣжды, достойны быть наставленіями Фило-

софа, желающаго употреблять съ пользою природныя свои дарованія. Во всѣ времена истинные мудрецы учинились таковыми единственно отъ презрѣнія и отвращенія къ людямъ, примѣчая въ нихъ нелѣпые и съ разумомъ несходные поступки. Глупости и дурачества Грековъ были причиною тому, что *Гераклитъ* непрестанно плакалъ; а *Демокритъ* смѣялся.

Дабы получить успѣхъ въ изученіи мудрости, надлежитъ лучше быть зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицемъ въ тѣхъ комедіяхъ, которыя играются на землѣ. Я всегда, любезный *Дальновидъ*, держусь сего правила, и живши столько лѣтъ на свѣтѣ довольно всего насмотрѣлся; я очень много путешествовалъ въ намѣреніи, чтобъ получить пользу отъ обозрѣнія различныхъ странныхъ дѣйствій, которымъ былъ я простымъ только зрителемъ; и ты безъ всякаго сомнѣнія можешь повѣрить, что я находилъ тутъ обширное поле къ раз-

мышленію; напримѣрѣ: Агличане представляли мнѣ тысячу блистательныхъ добродѣтелей, смѣшанныхъ со множествомъ свойственныхъ имъ пороковъ, и чрезъ сіе смѣшеніе добра и зла я познавалъ, что участь человѣческая столь несчастна, что люди сами собою ничего не въ силахъ сдѣлать кромѣ того, что могутъ извинять свои слабости нѣсколькими хорошими качествами. Вообще кажется, что имъ совсѣмъ не возможно учиниться истинно мудрыми и совершенно добродѣтельными; а это предоставлено нѣкоторымъ только Философамъ, возвысившимъ себя свыше человѣчества; чтожь принадлежитъ до простыхъ людей, то между ими разумнѣйшимъ и лучшимъ можетъ почитаться только тотъ, кто менѣе другихъ имѣетъ въ себѣ глупости и злости. Щедрость, великодушіе, мужество, и безстрашіе Агличанина помрачаются его гордостію, высоко-

мѣріемъ, самолюбіемъ, и хорошимъ о себѣ мнѣніемъ.

Во всѣхъ земляхъ Философъ находитъ истинную причину сожалѣть о людяхъ, и чувствовать къ нимъ презрѣніе. Путешественникъ страшится быть жертвою: въ *Италіи* ревности; въ *Гишпаніи* суевѣрія; а въ *Англіи* гордости и высокомѣрія тѣхъ людей, съ которыми живетъ вмѣстѣ. Однакожь я лучше бы согласился попасть въ руки жестокому Инквизитору, нежели Агличанину, который непрестанно будетъ давать мнѣ чувствовать, сколько онъ почитаетъ себя во всемъ лучшимъ предо мною, и который естьли удостоитъ меня своими разговорами, то не о другомъ чемъ будетъ со мною говорить, какъ бранить всѣхъ другихъ народовъ и скучать разсказываніемъ о великихъ добродѣтеляхъ своихъ соотечественниковъ.

Ежели же иностранецъ въ Лондонѣ бываетъ жертвою высокомѣрія, то

въ Парижѣ не менѣе того мучится отъ глупости и отъ наглости. Тамъ его обремѣняютъ учтивостями, раззоряютъ почти ежедневнымъ выдумываніемъ новыхъ модъ, и оглушаютъ глупыми и вздорными разговорами; а въ награжденіе за сіе мученіе, стараются его увѣрять, что онъ во всемъ подобенъ тѣмъ людямъ, съ которыми живетъ и такъ же глупъ, какъ они. Изъ всѣхъ глупостей Французовъ, всего несноснѣе то, что они всякаго живущаго у нихъ иностранца хотятъ преобразить во Француза. Ежели кто изъ иностранцевъ говоритъ что нибудь такое, что имъ нравится, то они скажутъ о немъ, что онъ говоритъ такъ, какъ Французъ; а ежели кто имѣетъ въ себѣ пріятный видъ и въ поступкахъ своихъ учтивъ, то о такомъ говорятъ, что онъ совершенный Французъ. Мнѣ кажется, что ничего нѣтъ глупѣе такихъ мыслей, кои столько же оскорбительны для путешествовате-

лей, сколько песносно высокомѣріе Агличанъ; сіи послѣдніе говорятъ о себѣ, что они только одни въ свѣтѣ почтенія достойны; но Французы хотя не такъ грубо изъясняются, однакожь даютъ ясно разумѣть, что всякой человѣкъ тогда только можетъ что нибудь значить, когда бываетъ имъ подобенъ. Обѣ сіи мысли одинакое имѣютъ основаніе, и обѣ равно несправедливы и безумны.

Во всѣхъ народахъ можно видѣть одинакіе пороки совсѣмъ противные хорошимъ чувствамъ и здравому разсудку. Въ Нѣмцахъ примѣчалъ я смѣшную и мечтательную ихъ любовь къ древнимъ титуламъ и стариннымъ грамотамъ, и сколь мало уважаютъ они тѣхъ, кои не были *Герцогами*, *Графами*, *Маркизами* и *Баронами*. Я удивлялся, что отличнымъ добродѣтелямъ и великимъ дарованіямъ оказываютъ они очень малое уваженіе въ сравненіи тѣхъ почестей, каковыя Агличанами воздаются истинному

достоинству. *Глубокомысленный Философъ, ученый Математикъ и искусный Физикъ*, не заслуживали ни малой благосклонности отъ почтенныхъ господъ Нѣмцовъ; Агличане же, напротивъ того, воздали памяти *Невтоновой* равномѣрныя почести, каковыя должны бы были воздаваться Государю, завоевавшему многія владѣнія, или чрезъ мудрое заключеніе мира доставившему блаженное спокойство своимъ подданнымъ.

Желательно бы было, чтобъ всѣ народы подражали Агличанамъ въ оказаніи почтенія и уваженія великимъ людямъ, родившимся у нихъ, которыхъ Природа одарила отличными дарованіями. Я увѣренъ, что естьли Англія съ давняго уже времени славится многими высокими умами, то это не отъ чего другаго, какъ отъ того одобренія и поощренія, которое дается тамъ ученымъ людямъ; но чтобъ сіе столь похвальное обыкновеніе учинилось общественнымъ во

всей Европѣ, то не видно еще къ тому большой надежды.

И такъ обратившись опять къ первому моему предмѣту, любезный *Дальновидъ*, я еще повторяю, что для избѣжанія того, чтобъ не впасть самому въ тѣ пороки, которымъ люди часто бываютъ подвержены, наилучшій способъ есть тотъ, чтобъ примѣчать прилѣжно всѣ ихъ поступки; ибо всякой обыкновенно гораздо строжѣ судитъ поступки другихъ, нежели свои собственныя, и часто случается, что въ тѣхъ же самыхъ порокахъ, которые въ другихъ осуждаетъ, и почитаетъ нимало неизвинительными, себя самаго прощаетъ, и для оправданія своего находитъ разныя извиненія.

ПИСЬМО XXIX.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Сколь должно сожалѣть, почтенный *Маликульмулькъ*, о такихъ людяхъ, кои провождаютъ всю свою жизнь въ безумной и постыдной праздности; естьли бы такимъ образомъ прожилъ кто и шестьдесятъ лѣтъ, то едва ли бы можно было сказать, что онъ жилъ восемь лѣтъ; ибо можно ли то назвать жизнію, чтобъ въ молодости заниматься вѣтренностію, а въ старости ничего не значущими бездѣлками; это можно почесть совершеннымъ безуміемъ и незнаніемъ того, на что человѣкъ премудрымъ Творцемъ на свѣтъ созданъ. Такою безполезною жизнію люди уподобляютъ себя несмысленнымъ скотамъ, которые безъ всякаго размышленія предаются однимъ только чувственнымъ удовольствіямъ.

Ничего не можетъ быть гнуснѣе праздности; она часто бываетъ источникомъ всѣхъ пороковъ, и причиною величайшихъ злодѣяній. Естьли войти въ подробное изслѣдованіе, то можно представить многія доказательства, что всѣ пороки, которымъ бываютъ подвержены люди находящіеся въ различныхъ состояніяхъ, не отъ чего другаго проистекаютъ, какъ отъ праздности. Я хочу тебѣ описать, почтенный *Маликульмулькъ*, нѣкоторыя мои замѣчанія, кои дѣлалъ я о людяхъ разнаго состоянія, которые нерачительно исполняютъ препорученныя имъ должности единственно отъ того, что любятъ жить въ праздности.

Судья, который волочится за женщинами, который не пропускаетъ ни одного театральнаго зрѣлища и ни одного гулянья, и который одинъ только разъ въ цѣлый годъ воспоминаетъ о исполненіи препорученной ему должности, не былъ бы тако-

вымъ, ежели бы меньше любилъ праздность, и естьли бы употреблялъ большую часть дни на изученіе гражданскихъ правъ и законовъ, и на разсмотрѣніе тѣхъ дѣлъ, которыя требуютъ скораго его рѣшенія. Отъ такихъ важныхъ упражненій не доставало бы ему времени часто ѣздить въ театръ и волочиться за театральными дѣвками, или показывать себя на гуляньяхъ разряженнымъ, какъ кукла. Ежели бы не было ни одного судьи празднаго, то не было бы ни одного петиметра и ни одного беспутнаго расточителя.

Придворый, старающійся нравиться своему Государю и добивающійся первыхъ чиновъ въ Государствѣ, кажется, долженъ бы быть удаленъ отъ всякой праздности; но такова есть участь двора, что люди къ нему прилѣпленные тогда только рачительно стараются оказывать ему свои услуги, когда есть какой удобный случай къ ихъ возвышенію; а коль

скоро не имѣютъ они надежды къ достиженію знатныхъ чиновъ, тогда живутъ въ совершенной безпечности: и какъ много бываетъ въ году такихъ минутъ, а иногда и цѣлыхъ дней, въ которые придворный не имѣетъ при дворѣ никакого дѣла, то сіе праздное время по большей части употребляется имъ на роскоши и забавы; онъ предается тогда многимъ порокамъ и старается удовлетворять страстямъ своимъ.

Сколь жалостна должна казаться участь придворнаго въ глазахъ Философа! Онъ не иначе можетъ себя воздерживать, чтобъ не быть игралищемъ гнусныхъ страстей, какъ предаваясь одной изъ всѣхъ жесточайшей и мучительнѣйшей страсти; то есть: для избѣжанія праздности онъ долженъ отдать себя во власть пылкому честолюбію.

Во всѣхъ различныхъ состояніяхъ жизни, человѣкъ можетъ находить полезныя упражненія. Духовный ста-

рается о наставленіи людей въ душевномъ ихъ спасеніи. Судья разбираетъ ихъ тяжбы и дѣлаетъ имъ правосудіе. Воинъ хранитъ ихъ спокойствіе и защищаетъ отъ непріятелей. Купецъ доставляетъ имъ пищу и все нужное для ихъ жизни. Одинъ только придворный ни о чемъ больше не трудится, какъ о удовольствіи собственнаго своего честолюбія. Ещебъ было лучше, когда бы онъ непрестанно помышлялъ о сей мечтательной химерѣ, которая тогда исчезаетъ, когда думаетъ онъ держать ее въ рукахъ своихъ, нежели пребывалъ бы въ праздности безъ всякаго упражненія. Естьли бы возможно было изгнать отъ двора честолюбіе или праздность; то по моему мнѣнію, полезнѣе бы было оставить первый порокъ, нежели послѣдній.

Воинъ часто бываетъ подобенъ придворному; ибо онъ занимается своею должностію въ нѣкоторое только на то опредѣленное время; а тогда,

когда стоитъ на зимнихъ квартирахъ, ежели охотникъ онъ до праздности, то можетъ быть безъ всякаго дѣла и предаваться разнымъ порокамъ. Очень много такихъ офицеровъ, которые нимало не радятъ ни о добродѣтели ни о благопристойномъ обхожденіи, весьма нужномъ въ общежитіи: и отъ того-то не рѣдко бываютъ случаи къ распутству, въ которое они очень жадно бросаются. Пороки и дурныя склонности ежедневно укореняются въ душѣ ихъ, и они часто дѣлаются наконецъ совсѣмъ безполезными, какъ для Государя, такъ и для отечества; ибо отъ того становятся неспособными къ мужественнымъ военнымъ дѣйствіямъ, всякой трудъ кажется имъ несноснымъ, и отъ праздности полученныя ими дурныя привычки, никогда не могутъ изъ нихъ истребиться. Сколько есть такихъ молодыхъ людей, которое при вступленіи въ службу показывали въ себѣ хорошую надежду; но послѣ

сдѣлались порочными и достойными презрѣнія; ибо праздная препровождаемая ими жизнь погашаетъ въ сердцахъ ихъ всѣ чувства, которыя съ самаго младенчества, при воспитаніи ихъ, вперить въ нихъ старалися.

Ежели праздность у военнослужащихъ бываетъ источникомъ ихъ распутствъ, то она же бываетъ у нихъ и побужденіемъ къ ссорамъ, которыя гораздо чаще между ими случаются во время стоянія ихъ на квартирахъ, нежели тогда, когда бываютъ они противъ непріятеля въ полѣ. Въ то время, когда занимаются они службою, нѣкогда имъ думать о непристойныхъ другъ надъ другомъ шуткахъ, о игрѣ, о пьянствѣ и о перебиваніи любовницъ: отъ сего-то обыкновенно бываютъ поединки, происходящіе по большей части отъ какого-нибудь вздорнаго и безчестнаго начала. И такъ праздность только одна бываетъ причиною сихъ гнусныхъ сраженій, которыя про-

тивны общественному благоденствію, и запрещаются Богомъ и Государемъ.

Праздность не менѣе причиняетъ вреда людямъ низшаго состоянія. Купецъ праздностію и нерадѣніемъ въ короткое время разстроиваетъ дѣла свои; ежедневный убытокъ бываетъ наградою за его безпечность, и онъ наконецъ всего лишившись, дѣлается банкрутомъ. Еще было бы ему простительнѣе, ежели бы онъ тѣмъ разорялъ одного только себя; но при его разореніи претерпѣваютъ убытокъ многіе честные люди, которые отъ того только дѣлаются несчастными, что повѣрили въ долгъ деньги человѣку безпечному и нерадивому, который вмѣсто того, чтобъ имѣть попеченіе о своемъ торгѣ, провождалъ жизнь роскошную и праздную, не желая принимать на себя никакого труда и безпокойства.

Ежели бы люди прилѣжнѣе о томъ размышляли, почтенный *Маликульмулькъ,* что они раждаются для труда,

и что съ самаго начала свѣта Богъ повелѣлъ имъ трудиться въ потѣ лица своего, доколѣ паки возвратятся они въ нѣдро земли, изъ которой они созданы; то безъ всякаго сомнѣнія не захотѣли бы сопротивляться волѣ своего Создателя, и размышляя о казняхъ опредѣленныхъ преступившимъ заповѣди Его, они бы сами себѣ сказали: *Какое право имѣемъ мы исключать себя изъ сего всеобщаго закона? Не потому ли, что мы благородны, богаты, знатны, молоды или стары? Но поелику Богъ никого не исключилъ, то ничто насъ извинить не можетъ: и такъ, или будемъ убѣгать праздности, или предадимся казни опредѣленной преступникамъ.* Но по несчастію очень немногіе разсуждаютъ такимъ образомъ, потому что немногіе входятъ въ прилѣжное размышленіе о тѣхъ должностяхъ, которыя должны они исполнять на землѣ, и о томъ, для чего Богъ произвелъ ихъ на свѣтъ.

И такъ, естьли люди должны трудиться во всю свою жизнь, и естьли самъ Богъ имъ оное повелѣлъ; то безъ сомнѣнія еще больше обязаны они то дѣлать во время юности, нежели при старости; ибо въ первыя лѣта жизни ихъ надлежитъ имъ помышлять о приобрѣтеніи тѣхъ познаній, которыя долженствуютъ быть для нихъ полезными во все продолженіе ихъ жизни. Праздность, будучи матерью всѣхъ пороковъ, раждаетъ такъ же невѣжество и высокомѣріе: сіи три порока обыкновенно бываютъ вмѣстѣ и непремѣнно одинъ влечетъ за собою другой. Человѣкъ удаляющійся отъ всякаго упражненія и убѣгающій труда, мыслитъ о себѣ съ надменностію, что онъ довольно уже во всемъ знающь; его самолюбіе и тщеславіе, соединясь съ лѣностію и безпечіемъ, заставляютъ его съ презрѣніемъ отвергать всякую науку, которая для изученія требовала бы какого либо труда: слѣдственно,

ежели кто съ юныхъ лѣтъ предается обманчивымъ прелестямъ праздной жизни, тому никакъ будетъ не возможно впредь исправить потерянное время; во первыхъ потому, что оно никогда назадъ не возвращается; а во вторыхъ потому, что полученныя злыя привычки тогда уже истреблены быть не могутъ.

ПИСЬМО XXX.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Не давно прогуливаясь по городу, любезный *Маликульмулькъ*, вздумалось мнѣ осмотрѣть здѣшнія книжныя лавки. Увидя, что онѣ завалены книгами, я удивлялся просвѣщенію нынѣшняго вѣка; радовался тому, что и въ здѣшней землѣ есть книги, и сравнивалъ нынѣшній вѣкъ съ старыми. Какая разница, думалъ я самъ

въ себѣ, между тѣмъ временемъ, въ которое книгъ почти было не видно, и между нынѣшнимъ, когда всю поверхность обитаемой земли можно укласть книгами. Но и то правда, любезный *Маликульмулькъ*, что тогда не приносили стыда ученому свѣту *Бабушкины выдумки*; *Бродящій мѣщанинъ*; и изданныя въ четвертку безъ правилъ краденныя сочиненія *Рифмокрада*, которыми завалены нынѣ всѣ книжныя лавки, и которыя продаются не рѣдко на вѣсъ для разнощиковъ на обертку овощей.

Когда я разсуждалъ такимъ образомъ надъ увѣсистыми сочиненіями сего прилѣжнаго Автора, тогда подошелъ ко мнѣ малорослый и сухощавый человѣкъ: что вы думаете, сказалъ онъ мнѣ, о семъ великомъ Авторѣ? — Я думалъ, отвѣчалъ я ему, что я держу въ рукахъ не хорошія сочиненія, а худые переводы. — О государь мой! такъ вы конечно не слыхали, какъ его хвалятъ за его столомъ,

чему я самъ бывалъ очевиднымъ свидѣтелемъ; я слышалъ, что онъ недавно очень хорошо написалъ Трагедію, въ которой разругалъ прекрасно не помню какого-то святаго.... Эту трагедію больше дѣлалъ Расинъ, нежели онъ, сказалъ подошедши къ намъ одинъ изъ покупщиковъ старыхъ книгъ; возмите, продолжалъ онъ Расинову Андромаху: вы увидите, что здѣшняя не иное что, какъ слабый переводъ; съ тою при томъ разницею, что почтенный Расинъ не бранилъ святыхъ, такъ какъ то дѣлаетъ нашъ неугомонный Авторъ, и я удивляюсь, какъ такая безбожная брань пропущена тогда, когда кажется можно печатать однѣ только скаски и небывальщины въ лицахъ. — Вы очень злы, Государь мой! возразилъ защитникъ бранчиваго Автора, когда поносите сочинителя привлекающаго дарованіями своими къ себѣ въ домъ множество обожателей своего пера. — О этому я охотно вѣрю, говорилъ

противникъ *Рифмокрада*, что у него бываетъ много гостей; но кто захочетъ, тотъ можетъ видѣть, что сему не дарованія его, а его поваръ и гостепріимная жена причиною. Примѣтьте, что обожатели его всегда збираются въ его домъ къ обѣду и похвалы сему Аполлону обыкновенно начинаются со втораго, или съ третьяго блюда, и раздаются не далѣе, какъ въ четырехъ углахъ комнаты; но за два шага отъ его дому слава его изчезаетъ, и тѣ самые, которые за обѣдъ платили ему похвалою, позабываютъ что онъ есть на свѣтѣ. И такъ, по моему мнѣнію, не можно ставить себя въ числѣ первыхъ писателей тому, о комъ это говорятъ такіе люди, которые не имѣя чемъ заплатить трактирщику за обѣдъ, ищутъ онаго у вельможи, или у стихотворца и расплачиваются обыкновенно за него пустыми восклицаніями и похвалами хозяину. Съ другой стороны и жена его расплачи-

вается какъ можетъ съ гостями, которые имѣя гибкой языкъ, ищутъ на счетъ его всемъ на свѣтѣ пользоваться; но отними у сего Парнасскаго идола его жену, то треть обожателей его изчезнетъ: отними повара, тогда и достальныя двѣ трети пропадутъ. — Но вы не можете не признаться, сказалъ защитникъ, что въ театрѣ ему всегда бьютъ въ ладоши. — Я въ половинѣ этаго признаюсь, отвѣчалъ другой, то есть: что въ театрѣ хлопаютъ, однакожь не ему, а Актерамъ, которые подлинно достойны великой похвалы за то, что имѣютъ терпѣніе обременять свою память такими вздорными сочиненіями, которыя болѣе наносятъ труда живописцамъ и машинисту, нежели сколько дѣлаютъ театру прибыли: въ прочемъ не рѣдко сихъ хлопальщиковъ привезитъ онъ въ своей каретѣ, чему свидѣтельствомъ можетъ вамъ служить, сказалъ онъ оборотясь ко мнѣ, сочиненіе одного

моего пріятеля, и при семъ началъ мнѣ читать слѣдующіе стихи:

СКАЗКА.

Ко славѣ множество имѣемъ мы путей.
Гомеръ хвалить себя умѣлъ весь свѣтъ заставить;
А Рифмокрадъ, чтобы вѣрнѣй себя прославить,
Нажилъ себѣ жену, а женушка дѣтей,
Которы въ зрѣлищахъ и къ стати и не къ стати
Въ ладони хлопая, кричатъ согласно: *тяте*,
Но сколь немного женъ есть вѣрныхъ, знаетъ свѣтъ;
Не на Лукрецію и нашъ нашелъ Поетъ.
Онъ видитъ это самъ. Поступки Тарапоры
Между пріятелей ея заводятъ ссоры.
Чтобъ отомстить за то, чего не могъ сберечь;
Хоть одного изъ нихъ онъ хочетъ подстеречь
Желанны дни пришли! онъ видитъ очень ясно,
Что онъ себя считалъ въ рогатыхъ не напрасно.
Измѣнница! кричитъ, тоголь достоинъ я!
Увы! гдѣ дѣлась честь! гдѣ слава вся моя!

Жена въ отвѣтъ ему: для этой самой славы
Не много рушу я супружески уставы;
Съ Партеромъ перервать я твой хотѣла спор,
Гдѣ вѣчно на тебя всемірной заговоръ;
Завистниковъ тебѣ, ты знаешь, тамъ не мало:
Но нынѣ тщаніемъ моимъ ихъ менѣ стало.
Я многіе тебѣ достала голоса. —
Любезная жена! ты строишь чудеса!
Вскричалъ Поетъ; такъ будь моимъ ты Аполлономъ,
И лавры мнѣ плѣти; въ рогахъ я не съ урономъ;
Въ нихъ выгоды себѣ я вижу лишь одни;
Тѣмъ болѣ голосовъ, чемъ болѣ мнѣ родни. . . . .

Государь мой! вскричалъ защитникъ *Рифмокрада*, естьли вы не перестанете читать свои пакостные стихи, то я вамъ дядюшкиными сочиненіями проломлю голову, и въ то же самое время вооружился онъ всѣми пятью томами сочиненій *Рифмокрада*, которыя искусный книгопродавецъ переплелъ въ одну крышу, что бы придать имъ болѣе величественнаго вида.

Такой зарядъ не могъ не ужаснуть его противника, который спрятался за три кипы сихъ сочиненій, назначенныхъ къ продажѣ на вѣсъ; и уверткою своею сдѣлалъ сей четверной зарядъ безполезнымъ; съ него сшибло одну только шляпу, а голова его получила спасеніе отъ тѣхъ же самыхъ сочиненій, на которыя такъ сильно онъ возставалъ. Племянникъ Аполлоновъ ободренный его побѣгомъ, ругалъ его всячески и ожидалъ храброй вылазки; а между тѣмъ не смотря на прозьбы лавошника, бомбардировалъ его крѣпость связками новыхъ Комедій и Трагедій. Гарнизонъ не трусилъ съ своей стороны, и уже перебросавъ всѣ огромные переводы, принимался за 16 томъ сочиненій здѣшней Академіи, какъ лавошникъ остановилъ ихъ, обѣщая привести полицейскихъ; тогда руки нашихъ Рыцарей остановились, но языки ихъ были неутомимы, и они наговорили другъ другу столько колкаго, сколько

могли выдумать. Защитникъ *Рифмокрада* подошелъ подъ самыя кипы дядюшкиныхъ сочиненій, чтобы сдѣлать себя тѣмъ слышнѣе своему противнику, который наблюдалъ изъ за стѣны набросанной имъ прозы и стиховъ всѣ его движенія, и когда сей меньше всего ожидалъ, онъ собравъ всѣ свои силы, повалилъ на него всѣ тѣ кипы однимъ разомъ. Бѣдный защитникъ думалъ, что на него весь міръ обрушился, хотя не болѣе на немъ было, какъ 1192 экземпляра 5 томнаго изданія. Онъ визжалъ какъ собака, у которой пришибло лапу, и самымъ жалкимъ голосомъ просилъ себѣ помощи; хозяинъ же *сказки* между тѣмъ скрылся, оставя ея у меня въ рукахъ. Послѣ сего вытащили кое какъ бѣднаго племянника, проклинающаго, старика, себя, и дядюшкины сочиненія, которыя едва не задавили его до смерти, и онъ насилу поплелся изъ лавки, закаиваясь во весь свой вѣкъ заглядывать къ книго-

продавцамъ. Бѣдный лавошникъ укладывалъ опять разбросанныя книги, которыя въ первый разъ увидѣли было свѣтъ, и божился мнѣ, что многимъ изъ нихъ никогда такого разбору не было, какъ во время сего сраженія. Для чегожь здѣсь мало хорошихъ книгъ? спросилъ я у него. — Для того сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ, что здѣсь множество Авторовъ, какъ кажется, болѣе занимаются не тѣмъ, что бы что нибудь написать; но что бы что нибудь напечатать, и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ; но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; отъ того-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалены бреднями худыхъ стихотворцевъ.

ПИСЬМО XXXI.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Размышляя о многихъ страстяхъ, обладающихъ сердцами человѣческими, я почитаю изъ всѣхъ гнуснѣйшею ревность. Подумай, почтенный *Маликульмулькъ*, сколько мученій долженъ сносить мужъ отъ ревности своей жены! По справедливости можно заключать, что между мужьями бывающими жертвою ревниваго нрава своихъ женъ, большая часть должны приписывать претерпѣваемое ими отъ того мученіе, больше надменности женскаго пола, нежели ихъ любви, вѣрности и постоянству; и ежели разсмотрѣть, что женщины самыя разпутныя часто бываютъ самыми ревнивѣйшими, то не трудно будетъ увѣриться въ сей истинѣ. Сколько знатныхъ и почтенныхъ мужей всемъ жертвовали своимъ женамъ, которыя

за то платили имъ невѣрностію и вѣроломствомъ, и предпочитали имъ солюбовниковъ гораздо хуже ихъ и рожденіемъ и достоинствомъ. Сіи женщины будучи отъ природы вѣтрены и непостоянны, послѣдовали движеніямъ различныхъ страстей, надъ сердцами ихъ владычествующихъ; а потому и не должно удивляться таковымъ ихъ поступкамъ. Любовь, дѣлающая всѣхъ людей равными, часто побуждаетъ вѣтреныхъ женщинъ жертвовать знатными и достойными людьми, любовникамъ ничего не значущимъ; но тщеславіе приводитъ ихъ въ мучительное терзаніе, когда они, усмотря ихъ измѣну, захотятъ свергнуть съ себя ихъ оковы и освободиться отъ ихъ рабства.

Несчастливъ тотъ мужъ, который женатъ на женѣ богатой, и знатной фамиліи: она думая, что составила все его благополучіе, непрестанно желаетъ надъ нимъ господствовать: не даетъ ему никакой

власти въ своемъ имѣніи, и онъ часто принужденъ бываетъ сносить ея упреки. Естьли когда употребитъ онъ хотя самую малость изъ ея денегъ на необходимыя свои нужды, то она съ досадою и бѣшенствомъ ему говоритъ: „ты мотъ! ты хочешь „расточить все мое имѣніе; я съ „тобою разведусь; я принужу тебя „заплатить мнѣ все, что взялъ ты „за мною въ приданое, и ежели ты „не согласишься добровольно со мною „развестись, то я буду на тебя про„сить правосудія; моя родня за меня „вступится и не допуститъ до того, „чтобъ такой мужъ, который дол„женъ бы былъ почитать себя очень „счастливымъ, женясь на столь бога„той и знатной женѣ, какова я, ее „разорялъ и расточалъ ее имѣніе.„

Такимъ образомъ, почтенный *Мали-кульмулькъ*, говорятъ очень многія жены, давая чувствовать по нѣскольку разъ въ каждый день своимъ мужьямъ то несчастное преимуще-

ство, которое онѣ имъ доставили знатностію своего рода, и принеся съ собою богатое приданое.

Безъ сомнѣнія многіе мужья, для избѣжанія такихъ несносныхъ упрековъ, пожелали бы отъ всего сердца взять за себя жену въ одной рубашкѣ; а можетъ быть, согласились бы взять и въ такомъ состояніи, въ какомъ предстала Евва предъ Адама. *По крайней мѣрѣ*, сказали бы они, *такая жена не станетъ насъ упрекать своимъ богатствомъ, которое ни къ чему больше служить намъ не можетъ, какъ сдѣлаетъ жертвою своенравной и гордой жены, желающей надъ нами господствовать.*

Но сколь ни бѣдственна участь сихъ несчастныхъ мужей, однакожь гораздо меньше сожалѣнія достойна, какъ судьба тѣхъ жалкихъ супруговъ, которыхъ порокъ совсѣмъ противной гнусной скупости, въ короткое время повергаетъ въ совершенную нищету. Каково должно быть мученіе мужа,

который будучи обремененъ многочисленною семьею, видитъ все свое имѣніе расточаемое на увеселительные пиры, на разныя забавы и на великолѣпные модные уборы: ежели онъ осмѣлится напомянуть женѣ, что таковые издержки могутъ наконецъ истощить все ихъ имѣніе, и естьли захочетъ употребить какія средства къ прекращенію сего злоупотребленія, то какимъ подвергнетъ себя жестокимъ бранямъ и ругательствамъ? Тогда упрекаютъ его въ скупости; ему причитается въ вину разумная его бережливость, и приводятъ въ примѣръ многихъ другихъ слабыхъ и безпечныхъ мужей, которые спокойно и не говоря ни слова позволяютъ женамъ себя разорять. И такъ, что долженъ онъ въ такомъ случаѣ предпринять для освобожденія себя отъ сего мучительнаго безпокойства? Безъ сомнѣнія, не найдетъ онъ никакого къ тому способа. Естьли согласится дать волю своей женѣ,

то сдѣлается совсѣмъ разореннымъ; а ежели будетъ продолжать дѣлать ей всевозможныя сопротивленія, то какому мученію чрезъ то себя подвергнетъ! Слѣдственно противъ воли принужденъ бываетъ опредѣлить себя къ сношенію несносныхъ терзаній. Онъ долженъ жить съ такою фуріею, которая удобно можетъ найти разные способы получать то, въ чемъ ей отказываютъ. Сей бѣдный мужъ почитаетъ еще особливымъ для себя счастіемъ, естьли она будетъ довольствоваться однимъ только расточеніемъ его имѣнія, и не постарается сыскать себѣ какого щедраго любовника, который снабжалъ бы ее всѣмъ тѣмъ, что нужно ей на ея забавы и на драгоцѣнные наряды.

Цѣломудріе есть такая добродѣтель, которую многія худыхъ склонностей женщины почитаютъ пустою мечтою; а тѣ, которыя рождены въ лучшемъ состояніи и воспитаны по правиламъ нынѣшняго свѣта, первыя

презираютъ благопристойность. Онѣ нечувствительно привыкаютъ слышать забавныя шутки о невѣрности и вѣроломствѣ, и думаютъ, что на оныя онѣ и сами должны отвѣчать такими же шутками. Сіе правило хотя довольно легко; однакожь нимало не служитъ къ исправленію нравовъ. Есть такія вещи въ свѣтѣ, о которыхъ никогда не надлежало бы говорить иначе, какъ съ благопристойностію; ибо безъ того рано или поздно войдетъ въ обычай, что не будетъ никакого порочнаго поступка, который не былъ бы извиняемъ, и всякая насмѣшка принимаема будетъ съ похвалою. Удивительно, что и самые нынѣшняго вѣка Писатели одобряютъ сей вредный обычай; многіе знаменитые Авторы часто давали пріятный оборотъ дѣламъ самымъ распутнѣйшимъ, и хотя ихъ забавныя сочиненія не совсѣмъ заглаживаютъ гнусность порока: однакожь по крайней мѣрѣ представляютъ его

не столь омерзительнымъ; а тѣмъ самымъ поощряютъ женщинъ принимать охотно сіи правила, которыя укореняютъ въ нихъ пороки и распространяютъ ихъ своеволіе.

ПИСЬМО XXXII.

Отъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку.

Строгое приказаніе моихъ начальниковъ, премудрый *Маликульмулькъ*, принудило меня, оставя мрачное наше жилище, вылетѣлъ на поверхность земли. Мнѣ велѣно было со всевозможною поспѣшностью летѣть на помощь къ нѣкоторому приказному крючкотворцу, который приговоренъ былъ къ висѣлицѣ. Соблюдая выгоды *адской* нашей *Политики*, непремѣнно должно было стараться, чтобъ сей человѣкъ болѣе прожилъ на свѣтѣ; ибо наслаждаясь пріобрѣтеніями сво-

ихъ плутней и утопая въ изобиліи, побуждалъ онъ чрезъ то и прочихъ людей, слѣдовать своему примѣру. По счастію, нашелъ я его еще неповѣшеннаго; и такъ съ помощію золота, которымъ запасся я при отправленіи моемъ изъ ада, не трудно мнѣ было вѣсы правосудія преклонить на свою сторону. Могуществомъ сего прелестнаго и ослѣпляющаго глаза смертныхъ металла, сдѣлалъ я то, что бѣднякъ не только освобожденъ былъ отъ всякаго наказанія; но и остался при своей должности, гдѣ, надѣюсь, по старой привычкѣ, не преминетъ онъ грабить и разорять своихъ ближнихъ такъ, какъ и прежде.

Послѣ сего, зная, что возвратное мое въ адъ путешествіе не требовало уже никакой поспѣшности, вздумалось мнѣ побывать въ публичномъ саду того города, въ которомъ я тогда находился. Сдѣлавшись невидимымъ, забрался я въ стоящую на

концѣ большой аллеи бесѣдку, откуда свободно могъ все видѣть.

Разнообразіе, какъ въ одеждѣ, такъ и въ поступкахъ прохаживающихся тамъ людей, представляло весьма странное для глазъ моихъ зрѣлище. Множество разнополосыхъ петиметровъ, собравшись толпою, бѣгали припрыгивая по всѣмъ дорогамъ, толкали всѣхъ, кто имъ ни попадался, заглядывали безстыднымъ образомъ въ лице каждой женщинѣ, и произносили во все горло рѣшительные свои приговоры о ихъ пригожствѣ. Добренькія старушки, желая сбыть поскорѣе съ рукъ своихъ дочерей и племянницъ, привозили ихъ туда на показъ мущинамъ. Модныя вертопрашки, истощивъ все свое искуство въ щегольскихъ нарядахъ, и протвердивъ заранѣе передъ зеркаломъ всѣ новоизобрѣтенныя ими ужимки и коверканье, съѣзжались туда съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы весь свѣтъ воздвигалъ жертвенники поддѣланнымъ

ихъ прелестямъ. Нововыѣзжій *Донъ-Кишотъ*, останавливая съ грознымъ видомъ всѣхъ съ нимъ встрѣчающихся, разсказывалъ съ восторгомъ, какимъ образомъ, посредствомъ сильныхъ своихъ мышцъ, выломилъ онъ одинъ городскія ворота, и находящійся тамъ гарнизонъ принужденъ былъ весь побить кулакомъ безъ всякой пощады, потому что въ запальчивости позабылъ свое оружіе въ галерѣ. Онъ воспѣвалъ самъ себѣ похвалы съ такимъ восхитительнымъ краснорѣчіемъ, что всѣ удивлялись его безстыдству.

Безконечно бы было, премудрый *Малкульмулькъ*, естьлибъ началъ я описывать различныя глупости многихъ попадавшихся мнѣ тогда шалуновъ; ибо пристрастія и пороки, коимъ порабощены большая часть земныхъ обитателей, не могутъ быть исчислены: а скажу только, что сдѣланное мною замѣчаніе о всѣхъ вообще прогуливающихся тамъ людяхъ,

привело меня въ крайнее удивленіе. Всѣ они, пришедъ въ сіе мѣсто, принимали на себя веселый видъ, и всякой, судя по наружности, могъ бы ихъ почесть счастливыми; но какъ мы имѣемъ способность проницать во внутренность сердецъ человѣческихъ, то мнѣ не трудно было примѣтить, что *петиметръ*, не взирая на всѣ свои веселые прыжки, ощущаетъ во внутренности своей души адское мученіе, воображая страшную ту минуту, когда безжалостные заимодавцы, потерявъ терпѣніе, заграбятъ послѣдніе остатки промотаннаго имъ имѣнія, и для благонадежности въ уплатѣ достальныхъ долговъ, посадятъ его, можетъ быть, на всю его жизнь въ тюрьму. Престарѣлыя *кокетки*, украсившія себя притворнымъ видомъ кротости, набожности и душевнаго спокойствія, терзаются внутренно, воспоминая то счастливое время своей молодости, въ которое окружены они были

толпою воздыхателей: онѣ съ прискорбіемъ взираютъ на пригожство взрослыхъ своихъ дочерей, и почитая ихъ соперницами, которыя ничемъ другимъ, какъ только одною своею молодостію затмѣваютъ созрѣлыя ихъ прелести, всѣми силами стараются, чтобъ сбывъ ихъ поскорѣе съ рукъ, приняться опять за старое свое волокитство. Новонапечатанный Герой, по увѣренію котораго кажется нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, чего бы онъ могъ устрашиться, предузнавая, что въ слѣдующій походъ долженъ онъ будетъ показывать храбрость свою не на словахъ только, но въ самомъ дѣйствіи, трепещетъ отъ всего сердца, воображая ужасный для трусости своей видъ кровопролитнаго сраженія, гдѣ не всегда можно найти безопасное убѣжище за каменьями или подъ фурманомъ: и для того мыслитъ безпрестанно, какъ бы употребя посредство своего дядюшки, у коего нахо-

дится онъ подъ особымъ покровительствомъ, отъ того отдѣлаться. Ему кажется гораздо безопаснѣе, пребывая внутри своего отечества, удостовѣрять свѣтъ о своей неустрашимости, дѣлая разныя шалости въ домахъ у публичныхъ красавицъ, или разбивая ночью фонари по улицамъ, нежели итти за границы сражаться съ свирѣпымъ непріятелемъ.

Вотъ, почтенный *Маликульмулькъ*, малая картина тѣхъ людскихъ безпокойствъ и печалей, которыя стараются они подъ притворнымъ видомъ веселости скрывать другъ отъ друга. Теперь разскажу тебѣ, что находясь въ семъ мѣстѣ, непреминулъ я, по обыкновенію моему, сыграть со всѣми находящимися тамъ людьми небольшую шутку. Ты знаешь, что для насъ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ возмущать и причинять всякое зло земнымъ обитателемъ.

Могуществомъ моего чародѣйства, повелѣлъ я возстать вдругъ жесто-

кой бурѣ. Въ одну минушу небо покрылось мрачными облаками, и сильный дождь, какъ рѣка, полился изъ оныхъ. Представь себѣ, премудрый *Маликульмулькъ*, каково было тогда смятеніе всѣхъ, кто тамъ ни былъ; а особливо ничто не могло сравняться съ досадою и безпокойствомъ тѣхъ высокопарныхъ и вертлявыхъ существъ, которыя все достоинство человѣка поставляютъ только въ прическѣ волосъ и въ богатыхъ уборахъ: они нарочно пріѣхали было на сіе гулянье съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ блеснуть новомодными своими кафтанами; но вдругъ увидѣли, что какъ оные, такъ и чудное зданіе, воздвигнутое на ихъ головахъ Французскими парикмахерами, отъ дождя и отъ пыли совершенно были испорчены. Съ великимъ удовольствіемъ такъ же смотрѣлъ я на нѣкоторыхъ женщинъ, которыя укрываясь отъ непогоды, бѣжали опрометью къ своимъ каретамъ; но между тѣмъ, поражены бу-

дучи звукомъ сильнаго громоваго удара, упадали въ обморокъ; а какъ всякой помышлялъ тогда о своей собственной безопасности, то за недостаткомъ услужливыхъ щеголей, которымъ, слѣдуя обычаю нынѣшняго свѣта, надлежало бы въ семъ случаѣ ихъ поддерживать, принуждены онѣ были валяться въ грязи; однакожь подоспѣвшіе къ нимъ на помощь ихъ служители, вытащивъ оттуда развезли всѣхъ по домамъ.

Такимъ-то образомъ, возхищаясь моею шуткою, посредствомъ которой причинилъ я столько зла людямъ, а особливо щеголямъ и щеголихамъ, и видя что всѣ они въ страхѣ и въ превеликомъ неудовольствіи на неудачное свое гулянье разбѣжались, утишилъ я бурю, и дню возвратилъ прежнее его сіяніе.

Между множествомъ, сорванныхъ съ головъ вѣтромъ, женскихъ шляпокъ, и растерянныхъ ими въ безпамятствѣ опахаловъ и проч. попа-

лась мнѣ потерянная записная книжка; судя по содержанію находящихся въ ней бумагъ, принадлежала она безъ сомнѣнія какому нибудь не беззнатному человѣку. Я препровождаю къ тебѣ, почтенный *Маликульмулькъ*, одно вынутое мною изъ оной письмо, которое кажется мнѣ достойно твоего любопытства, и надѣюсь, что оно тебѣ понравится.

,,Милосердый Государь, отецъ, ,,милостивецъ и благодѣтель!

,,Съ неизглаголанною и не удобь- ,,изъясненною радостію получилъ я ,,нижайшій отъ В. П. извѣстіе, что ,,милостію всещедраго Творца, всѣ ,,учиненныя на знаменитую особу ,,вашу представленія, удостовѣряю- ,,щія яко бы о предосудительныхъ ,,вашихъ для совѣсти и чести по- ,,ступкахъ, совершенно вами опро- ,,вержены, и что могущество В. П., ,,яко гора Сіонъ пребудетъ непоколе- ,,бимо и во вѣки не подвижится. Сіе ,,не точію мнѣ, но и всѣмъ тѣмъ,

„кои состоятъ подъ высокимъ по-
„кровительствомъ В. П. вельми пр-
„ятно; понеже по благоутробію ва-
„шему не только вы сами, но и кле-
„вреты вамъ порабощенные, со из-
„быткомъ насыщаются отъ крупицъ,
„падающихъ съ богатой и никогда
„неоскудѣвающей трапезы В. П.

„При семъ уповая на премногое
„множество, и яко изъ неизчерпаемаго
„кладезя изліянныхъ на меня вами
„благодѣяній, осмѣливаюсь предста-
„вить благоразсмотрительному оку
„В. П. слѣдующій воспослѣдовавшій
„со мною казусъ.

„Въ недавно прошедшемъ времени,
„нѣкоторые мои недоброхоты, подъ
„руководствомъ судьи *Правдина* и
„секретаря *Честона*, (я думаю, что
„надъ именами ихъ давно уже въ за-
„писной книжкѣ В. П. поставлены
„нолики) учинивъ межъ собою ско-
„пище и заговоръ, представили на
„меня Правительству, яко бы я, имѣя
„пристрастіе къ *Акциденціи*, рѣшу

,,всѣ дѣла противно Государственнымъ узаконеніямъ; и будто бы жадность моя къ гнусному обогащенію столь велика, что заставляю челобитчиковъ платить себѣ съ числа людей и земли особоучрежденную отъ меня подать. Въ слѣдствіе сего ихъ донесенія, полученъ въ главномъ здѣшнемъ Правительствѣ указъ, коимъ наистрожайше предписывается, дабы учинить по сему дѣлу подробное разбирательство; и буде окажется, что вышереченное показаніе моихъ доносчиковъ справедливо, то бы безъ малѣйшаго упущенія, въ страхъ другимъ, велѣть начертать на хребтѣ и на ланитахъ моихъ знаки беззаконія, и отослать послѣ въ вѣчное заточеніе.

,,А понеже, по слабости свойственной всѣмъ человѣкамъ, беззаконія превзыдоша главу мою: и поелику не нахожу я за нужное дѣлать въ чемъ либо предъ В. П. укрывательство, того ради страшась, да

„не наполнятся лядвія мои велияго и „всенароднаго поруганія, возъимѣлъ я „смѣлость прибѣгнуть подъ высокое „ваше покровительство. Сію дер„зость воспріялъ я болѣе потому, что „все мною учиненное происходило не „отъ другихъ какихъ причинъ, но „единственно отъ чрезмѣрнаго усер„дія къ приумноженію собственныхъ „интересовъ В. П. Чего ради ласкаю „себя надеждою, что сильнымъ ва„шимъ предстательствомъ, доносъ „моихъ враждебниковъ отосланъ бу„детъ такъ же, какъ и всѣ неодно„кратно уже бывшія на меня пока„занія въ архивъ, для преданія вѣч„ному забвенію: злодѣи же мои, „искавшіе моей погибели, да падутъ „въ яму, юже мнѣ ископать хотѣли. „Симъ вящше возбужденъ я буду къ „дальнѣйшему продолженію всевоз„можныхъ моихъ стараній о дохо„дахъ В. П. На сей же разъ осмѣлился „къ вамъ, милосердый отецъ, съ вру„чителемъ сего копеистомъ *Грошеви-*

,,*ковымъ* послать 2000 рубл. Прошу ,,милостиваго принятія; да и впредь, ,,аще только изволеніемъ вашимъ ,,оставленъ буду при прежнемъ моемъ ,,мѣстѣ, то съ помощію всѣхъ благъ ,,подателя, не премину стараться о ,,таковыхъ же доставленіяхъ. Въ про- ,,чемъ со всераболѣпнѣйшимъ почте- ,,ніемъ, дондеже грѣшная моя душа ,,пребудетъ въ изможденномъ денно- ,,нощными трудами тѣлеси, есмь.

Премногомилосердый Отецъ!

Вашъ нижайшій, преданнѣйшій и усерднѣйшій слуга

Евстратъ Халкинъ.

ПИСЬМО XXXIII.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Во время странствованія моего по различнымъ землямъ, когда я вижу, почтенный *Маликульмулькъ*, что по большей части счастливыми бываютъ многіе люди такіе, которые совсѣмъ глупы, не имѣютъ нимало здраваго разсудка, и почти уподобляются несмысленнымъ скотамъ: тогда съ крайнимъ прискорбіемъ размышляю о тѣхъ трудахъ и попеченіяхъ, которымъ предаются люди въ наукахъ упражняющіеся, единственно для того, чтобъ имя свое сдѣлать безсмертнымъ. Сколько горестей и скорбей большая часть изъ нихъ претерпѣваетъ? Надобно думать, что желаніе проникнуть въ глубокій мракъ столькихъ протекшихъ вѣковъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто чрезмѣру лестное, для побужденія ихъ жертвовать оному,

безъ всякаго сожалѣнія, тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ временемъ, которымъ надлежало бы съ удовольствіемъ наслаждаться.

Изъ числа не многихъ лѣтъ, которыя природа предназначила для продолженія жизни человѣческой, надлежитъ исключить первые пятнадцать, кои проходятъ, или въ незрѣломъ младенчествѣ, или въ изнурительныхъ трудахъ, употребляемыхъ при воспитаніи; когда же человѣкъ достигаетъ свыше шестидесяти лѣтъ, тогда уже жизнь его бываетъ для него тягостна; ибо разумъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ то время ослабѣваютъ, и подвергаются различнымъ немощамъ и болѣзнямъ. И такъ, въ настоящей жизни человѣческой, считая отъ пятнадцати лѣтъ до шестидесяти, не болѣе можно полагать, какъ сорокъ пять лѣтъ, и сіе-то столь краткое и столь драгоцѣнное время учеными людьми провождается въ наитруднѣйшихъ упражненіяхъ, за кои

часто весьма малую получаютъ они награду, и кои не подаютъ имъ никакого другаго утѣшенія, кромѣ единой надежды, что имя ихъ предано будетъ незабвенной памяти будущимъ потомкамъ.

Надлежитъ признаться, любезный *Маликульмулькъ*, что науки, когда кто въ нихъ достигнетъ до того, что преодолѣетъ всѣ затрудненія во оныхъ находящіяся, имѣютъ въ себѣ нѣчто чрезвычайно лестное, и что Геометръ и Физикъ, трудясь двадцать лѣтъ съ ряду съ неусыпными поченіями, почитаютъ себѣ великою наградою открытіе нѣкоторыхъ истинъ, до толѣ имъ неизвѣстныхъ; но ежели бы они проникли во внутренность сердецъ своихъ, то сами бы усмотрѣли, что побуждаетъ ихъ изыскивать съ толикою прилѣжностію сіи новыя истины, болѣе надежда прославить свое имя, нежели то удовольствіе, что трудами своими извлекли они ихъ изъ той мрачной

неизвѣстности, въ коей онѣ до того времени оставались погруженными. Естьли бы они совершенно были увѣрены, что имъ только однимъ оныя ихъ изысканія будутъ извѣстны, и что никогда не будетъ имъ позволено никому открыть сію тайну: то сомнѣваюсь, чтобъ пожелали купить сіе познаніе несносными своими трудами, продолжающимися нѣсколько лѣтъ съ ряду.

Хотя философы и ученые говорятъ непрестанно о презрѣніи славы, о мудрости и о спокойствіи душевномъ; однакожь, не взирая на всѣ ихъ прекрасныя и высокопарныя изреченія, утвердительно можно сказать, что естьли бы они не были къ тому подстрекаемы тщеславіемъ, то невѣжество и по нынѣ господствовало бы надъ всемъ родомъ человѣческимъ; и что единое токмо желаніе отличиться отъ простыхъ и неученыхъ людей, превзойти знаніемъ своихъ современниковъ, и заставить всѣхъ

взирать на себя со удивленіемъ, было причиною, что древніе вѣки прославлялись *Аристотелями*, *Платонами*, *Софоклами*, *Еврипидами* и *Димосѳенами*. Сему единому желанію и нынѣшнія времена одолжены произведеніемъ тѣхъ великихъ мужей, кои учинились знаменитыми чрезъ свои высокія и изящнѣйшія творенія.

Естьли бы всѣ различныхъ родовъ ученые ничего болѣе не имѣли своимъ предмѣтомъ, какъ изучаться нравственнымъ добродѣтелямъ, и усовершенствовать себя въ мудрости: то всѣ ихъ попеченія ограничивались бы познаніемъ самихъ себя. Они не старались бы измѣрять небеса, не изслѣдовали бы теченія планетъ, не углублялись бы въ разсмотрѣніе различныхъ произведеній природы, не вникали бы въ раздробленіе ихъ внутреннихъ частей, и не тщились бы проницать даже до познанія тягости воздуха. ,,Все сіе, сказали бы они, ,,не нужно къ нашему намѣренію; ибо

„къ какому предмету стремимся мы „нашимъ познаніемъ? Не къ тому ли, „чтобъ искать способовъ учиниться „благополучными и быть полезными „для блаженства другихъ человѣковъ: „и такъ будемъ обучаться только „тому, что можетъ послужить къ „содѣланію насъ добродѣтельнѣйши-„ми, и сообщимъ нашимъ собратіямъ „и нашимъ согражданамъ, наши му-„дрыя размышленія. Какую пользу „приобрѣтутъ они отъ познанія того, „что въ природѣ нѣтъ пустоты, и „что земля обращается около солнца? „Сіе не учинитъ ихъ ни кротчае, ни „снизходительнѣе, ни добродѣтель-„нѣе, ни спокойнѣе, ниже блаженнѣе. „И самые невѣжды совсѣмъ незнающіе, „чему научаетъ ихъ природа, будучи „вспомоществуемы нѣкоторыми токмо слабыми и всеобщими понятіями, „часто бываютъ гораздо благополуч-„нѣе людей въ наукѣ углубляющихся. „Сколько есть такихъ художниковъ, „кои спокойно упражняясь въ своихъ

„художествахъ, живутъ безъ всякаго „честолюбія посреди своихъ семействъ „съ большею пріятностію и удоволь„ствіемъ, нежели величайшіе любо„мудры, затворенные въ своихъ каби„нетахъ, и окладенные книгами, въ „коихъ писано о презрѣніи славы? „И такъ не наука дѣлаетъ людей „благополучными, а честность и до„брая совѣсть. Физика, Метафизика, „Риторика,.. всѣ сіи науки не рожда„ютъ истинной мудрости; ибо оная „иногда встрѣчается и у низкаго „ремесленника, и у хлѣбопашца: по„чему и надлежитъ ее искать тамъ, „гдѣ она находится; и лучше чтить „спокойное и кроткое невѣжество „бѣднаго художника, нежели тщеныя „и безполезныя познанія тщеславнаго „любомудра и высокопарнаго Витіи.„

По истинѣ, любезный *Маликульмулькъ*, естьли бы ученые, трудящіеся съ толикою прилѣжностію о сообщеніи людямъ пріобрѣтенныхъ ими познаній, не инымъ чемъ были къ тому

побуждаемы, какъ единою любовїю къ мудрости, то конечно не преминовали бы они дѣлать подобныя симъ размышленія, и безъ всякаго сомнѣнія увѣрились бы въ томъ, что во сто разъ полезнѣе научать людей способу жить благополучными и спокойными, нежели гоняться за открытіемъ нѣкоторыхъ такихъ истиннъ, коихъ познаніе совсѣмъ безполезно, и при томъ пріобрѣтается безконечными трудами. Они бы имъ говорили просто: ,,Воспользуйтесь настоящими минутами вашей жизни, будьте добродѣтельны, исполняйте съ раченіемъ возложенныя на васъ должности, и не теряйте безплодно сихъ драгоцѣнныхъ минутъ, которыхъ вы никогда возвратить не можете. Время протекаетъ, и естьли сердце ваше не возмущается внутренними угрызеніями отъ учиненія какихъ либо злодѣяній, и естьли слѣдуете вы закону честности, то имѣете въ жизни вашей все, что потребно для пріят-

нѣйшаго услажденія. Упражненіе въ безполезныхъ наукахъ ни къ чему болѣе вамъ не послужитъ, какъ похититъ у васъ настоящее благо, питая васъ тщетною надеждою о приобрѣтеніи будущаго мечтательнаго блаженства. Истинные мудрецы ни въ чемъ нужды не имѣютъ: а тщеславные любомудры за все хватаются, и во всемъ чувствуютъ недостатокъ. Ежели вы постараетесь спокойно наслаждаться тѣми благотвореніями, коими Небо васъ одарило, тогда ваше благополучіе будетъ въ рукахъ вашихъ, и вы только должны будете дѣлать изъ него полезнѣйшее употребленіе. Участь человѣческая была бы весьма несчастна, когда бы благополучіе каждаго зависѣло отъ познанія такихъ вещей, которыя для него совсѣмъ чужды.,,

Напротивъ, любезный *Маликулъмулькъ*, ученые совсѣмъ не такимъ образомъ подаютъ людямъ свои наставленія: они весьма отъ того

отдалены, чтобъ говорить имъ таковыми словами; и тѣ, которые бы такъ говорили, подобны бы были купцамъ осуждающимъ свои товары; а вмѣсто того, всякой ученой старается превозносить до небесъ ту науку, въ которой онъ упражняется, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ науки.

Риторъ хотя и хвалитъ, однакожь весьма слабо Философію: по его мнѣнію, наивеличайшее превосходство человѣческаго разума состоитъ въ дарованіи увѣрять людей силою краснорѣчія, и трогать сердца благороднѣйшими выраженіями. Философъ, напротивъ того, почитаетъ Ритора пустословомъ, коего всѣ рѣчи ничего въ себѣ не заключаютъ, кромѣ пустаго звука, по воздуху разносящагося, и никакой не приносятъ пользы тѣмъ слушателямъ, которымъ болѣе потребенъ здравый разсудокъ, нежели блистательныя выраженія. Подобно Физику, онъ даже

совершенно осуждаетъ и самое употребленіе Риторской науки, которая, по его мнѣнію, приноситъ болѣе вреда, нежели пользы. Нѣкто изъ знаменитыхъ Скептическихъ Философовъ, говоря о Риторахъ, сказалъ: ,,Тѣ, которые вымыслили намазывать лице женщинъ разными притираніями и дѣлать изъ него маску, ,,не столько причинили зла въ свѣтѣ, ,,какъ высокопарные Витіи, которые ,,стараются обольщать не глаза наши, ,,но нашъ разсудокъ, и тѣмъ перемѣняютъ, ослабляютъ и повреждаютъ самую сущность вещей.,, *Республики, учредившія у себя порядочное и благоустройственное правленіе, какъ то, Критская и Лакедемонская не много уважали Ораторами и Витіями.*

Сія страсть, столь свойственная ученымъ, чтобъ не похвалять никакую другую науку, въ которой они не упражняются, не служитъ ли явнымъ доказательствомъ, что тщеславіе,

желаніе пріобрѣсти себѣ отъ всѣхъ уваженіе и честолюбіе, бываютъ главнѣйшимъ побужденіемъ въ неусыпныхъ ихъ трудахъ, нежели любовь къ истинной мудрости. Естьли бы они трудились только для того, чтобъ подавать наставленіе людямъ, или естьли бы упражнялися въ наукахъ совершенно полезныхъ, или въ такихъ, которыя раждаютъ собою болѣе любопытства, нежели приносятъ прибытка: тогда хвалили бы равно всѣ науки, и не давали бы ни малаго преимущества той, въ которой почитаютъ себя больше другихъ людей знающими. Но поелику думаютъ они, что естьли люди болѣе будутъ уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; ибо тогда самолюбіе побудитъ людей, пользы ихъ соединять съ собственными своими пользами: а потому Философъ думаетъ, что чемъ болѣе Философія будетъ въ почтеніи,

тѣмъ и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, Стихотворецъ и Риторъ, такія же имѣютъ мысли: каждый изъ нихъ другъ предъ другомъ съ вящшимъ напряженіемъ своихъ силъ старается выхвалять, одинъ Исторію, другой Стихотворство, а третій Риторику.

Любовь къ мудрости, почтенный *Маликульмулькъ*, не желаетъ быть превозносима похвалами. Человѣкъ, который хочетъ только быть полезнымъ своимъ согражданамъ, не показываетъ въ себѣ нималаго пристрастія къ отличнымъ почестямъ и уваженіямъ, каковыя обыкновенно оказываются тѣмъ, кои подаютъ людямъ свои наставленія, служащія къ украшенію ихъ разума, и къ исправленію ихъ сердца. Суетное тщеславіе, желаніе блистать своими дарованіями, и быть предпочтенными своимъ совмѣстникамъ, никогда не возбуждаютъ въ нихъ такихъ безкорыстныхъ чувствъ; а вмѣсто оныхъ раждаютъ

самолюбіе и зависть, которыя хотя и бываютъ сокрыты, однакожь не менѣе жестоки. Сіи-то страсти по большей части бываютъ причиною той малой справедливости, которую ученые обыкновенно отдаютъ одинъ другому; ибо они всегда страшатся того, чтобъ слава другаго не умалила ихъ славы, и не заградила бы предъ ними путь къ достиженію того безсмертія, котораго они съ толикою алчностію желаютъ. Нѣкоторые изъ числа оныхъ, для пріобрѣтенія имени своему безсмертной славы, дѣлали дѣла столь же нелѣпыя, и почти, можно сказать, столь же безумныя и порочныя, каковое учинилъ *Еростратъ*. Была ли чья смерть страннѣе *Аристотелевой?* Не можно ли оную причесть безумному его тщеславію, когда онъ хотѣлъ показать людямъ, что лишаетъ себя жизни единственно для того, что не могъ совершенно познать таинство природы? А сей другой Философъ *Емпе-*

доклЪ, не долженЪ ли такЪ же почитаться безумнымЪ, который бросился вЪ пучину горы Етны, оставя свои туфли, для того, чтобЪ люди были извѣстны о семЪ отважномЪ его поступкѣ, и имя бы его сдѣлали безсмертнымЪ. ОнЪ былЪ бы несчастною жертвою своего бѣшенства, когда бы ты, почтенный *МаликульмулькЪ*, надЪ нимЪ не сжалился; не спасЪ бы его отЪ сгорѣнія и не принялЪ бы вЪ свой домЪ, находящійся подЪ Етною, гдѣ онЪ живетЪ спокойно, смотритЪ за твоимЪ домомЪ, и между тѣмЪ забавляется чтеніемЪ книгЪ вЪ обширной твоей библіотекѣ, и выписываетЪ изЪ нихЪ нѣкоторыя полезныя замѣчанія.

Многіе ученые, которые хотя не простирали столь далеко своего тщеславія, какЪ тѣ, о которыхЪ я тебѣ упомянулЪ; однакожь поступки ихЪ ясно доказывали, что они не менѣе сего старались возмущать свое спокойствіе, вЪ надеждѣ учинить

имена свои безсмертными. Сколько было таковыхъ, которые ссылаемы были въ сылку, заключалися въ темницы, и лишалися всего своего имѣнія: чего могли бы они легко избѣжать, отрекшись отъ пагубныхъ своихъ сочиненій; но они лучше хотѣли лишиться всего и стенать подъ тягостными оковами, или быть изгнанными изъ своего отечества, нежели истребить о себѣ память.

Но сколь ни было бы бѣдственно упорное желаніе о приобрѣтеніи славы большей части ученыхъ; однакожъ, любезный *Малику лмулькъ*, люди должны ихъ въ томъ извинить, въ разсужденіи получаемой отъ нихъ пользы: ибо соревнованіе, которое они одинъ противъ другаго чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. Надлежитъ о нихъ болѣе соболѣзновать, что они не дѣлаютъ того единственно изъ мудрости, что дѣлаютъ по честолюбію: люди должны благодарить

самый сей порокъ, который заслуживаетъ осужденіе, ибо безъ него науки до нынѣ были бы погружены во мрачной неизвѣстности.

Естьли какія погрѣшности могутъ быть извинительны, то безъ всякаго сомнѣнія тѣ, которыя столь искусно пріемлютъ на себя видъ мудрости, и въ коихъ не иначе, какъ по самомъ прилѣжномъ разсмотрѣніи примѣтить можно ихъ несовершенство. А притомъ надлежитъ сказать и то, что не всѣ ученые безъ изъятія любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ съ похвалою о нихъ говорили, простираютъ до крайности. Во всѣхъ различныхъ состояніяхъ и во всѣхъ званіяхъ находится много такихъ людей, которые въ поступкахъ своихъ достигаютъ до совершенства: равнымъ образомъ есть много и ученыхъ, которые, обуздывая свои желанія, полагаютъ имъ нѣкоторыя границы, и не позволяютъ себѣ преступать оныя. Хотя то совершенная правда, что

всѣ жаждутъ безсмертія; однакожь не всѣ къ достиженію онаго употребляютъ одинакіе способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинакую цѣну.

ПИСЬМО XXXIV.

Отъ Гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку.

Наконецъ, любезный *Маликульмулькъ*, и нашъ дворъ не уступаетъ многимъ Европейскимъ дворамъ; а всему этому причиною *Фурбинги*, который управляетъ *Прозерпиною*, а *Прозерпина Плутономъ*, дозволившимъ, по прозбѣ жены, сему Италіянцу составить свой штатъ. Онъ истощилъ весь свой разумъ, что бы *Прозерпина* не имѣла никакой причины завидовать Европѣ. Угадывая, что ты любопытенъ слышать, какимъ образомъ происходилъ сей странный наборъ, опишу я тебѣ все это произшествіе.

Прозерпина, желая скорѣя видѣть адъ въ новомъ видѣ, докучала *Плутону* ежеминутно о пользѣ, какую въ сей перемѣнѣ можетъ сдѣлать *Фурбиний*. Онъ, говорила богиня, плясывалъ при многихъ Европейскихъ дворахъ и былъ вхожъ ко всѣмъ придворнымъ женщинамъ, которыя съ нимъ короткія имѣли знакомства; а женщины играютъ въ Политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія, и чрезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляду и подумаешь, что мущины всемъ правятъ, а женщины ничего не значатъ; но очень ошибешься, и посмотря хорошенько увидишь, что мущины не иное что, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій. По сему ты видишь, что *Фурбиний*, бывъ знакомъ съ придворными женщинами, долженъ наизусть знать Политику, что такое есть дворъ, и умѣть его составить; но для исполненія сего онъ долженъ

имѣть полную власть; и такъ, душа моя, когда ты хочешь видѣть адъ въ лучшемъ состояніи, то уполномочь его и объяви по себѣ и по мнѣ первымъ начальникомъ ада.... Перестань, Богиня, вскричалъ *Плутонъ*, развѣ ты забыла, что у насъ въ адѣ множество воиновъ и философовъ, которые сочтутъ меня дуракомъ за такое объявленіе, и не захотятъ признать надъ собою начальникомъ *Фурбиния*. — Ахъ какой ты трусъ! сказала Богиня, можно ли тебѣ бояться кого нибудь, бывъ здѣсь самовластнымъ? спроси у тѣхъ же самыхъ воиновъ, каковы были *Александръ*, *Юлій Кесарь* и *Діонисій* во время ихъ царствованія на землѣ: развѣ не было въ ихъ владѣніяхъ мудрецовъ; однако не смотря на то дѣлали они по своему все, что хотѣли. — Какая разница! отвѣчалъ *Плутонъ*, тамъ своенравный Государь имѣетъ тысячу способовъ усмирять неугомонныхъ мудрецовъ, и въ случаѣ нужды сбывать ихъ съ рукъ, отпра-

вляя сюда, какъ то сдѣлано съ Цицерономъ, съ Сенекою и со многими другими; но мнѣ куда ихъ отсюда дѣвать. Бывши всегда съ ними, я долженъ буду терпѣть вѣчныя ихъ роптанія.... Роптанія противъ своего повелителя! вскричала съ негодованіемъ *Прозерпина*; перестань, *Плутонъ*, ты ужесть какъ низко мыслишь. Естьли ты не знаешь, какъ отъ сего отвязаться, то заведи только хорошій присмотръ въ адѣ, и перваго, кто хотя одно слово скажетъ противъ твоихъ заведеній, отдай на исправленіе *Алектонѣ*; ты увидишь послѣ, какъ весь адъ будетъ доволенъ, и всѣ тѣни будутъ превозносить тебя похвалами. Что нужды, будутъ ли согласны ихъ мысли съ лицомъ: это такая мѣлочь, въ которую непристойно входить Величеству. Отними только свободу и смѣлость у тѣней: послѣ того, хотя переодѣнь весь адъ въ шутовскія платья, заставь философовъ писать негодныя пѣсенки, Веспа-

локъ ихъ пѣть, а Героевъ плясать: и ты увидишь, что они всѣ съ такимъ усердіемъ то будутъ исполнять, какъ будто бы родились для сего. Нужно ли, что бы владѣтель угождалъ желанію, хотя бы и очень разумному, нѣсколькихъ миліоновъ тварей, и былъ бы ихъ слугою: не гораздо ли пристойнѣе, что бы всѣ его подданные послѣдовали его дурачествамъ? Тотъ одинъ, по моему мнѣнію, истинный владѣтель, кто можетъ по своей волѣ цѣлой народъ Философовъ заставить дурачиться. Будь увѣренъ, что *Фурбиній* намъ въ этомъ поможетъ. — *Прозерпина!* Сказалъ *Плутонъ*, положимъ, что я сдѣлаю *Фурбинія* по себѣ здѣсь первымъ; но будетъ ли онъ столько уменъ, что бы поддержать свое достоинство: въ прочемъ ты знаешь, что глупой вельможа въ глазахъ народа во сто разъ смѣшнѣе глупаго простолюдима: и естьли тѣни увидятъ въ числѣ моихъ приближенныхъ

десять дураковъ, то большая половина ада сочтетъ и меня полоумнымъ. — О! такъ ты не знаешь въ сей обширности твоей власти, отвѣчала *Прозерпина*; что же можетъ льстить болѣе владѣтеля, какъ не то, чтобъ заставить весь народъ почитать умною такую тварь, въ которой нѣтъ и золотника мозгу: а плутомъ человѣка посвятившаго себя добродѣтели. Хотя многіе потихоньку тому смѣются; но тѣ же самые въ обществѣ послѣдуютъ усердно мнѣнію своего владѣтеля и уважаютъ, или презираютъ ту особу, смотря по его объявленію. *Калигула* сдѣлалъ свою лошадь Сенаторомъ, и всѣ Римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе. Нынѣ сему смѣются, непримѣчая того, что потомки *Калигулина* коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣки будутъ такъ же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ сей прошедшему; обыкновенно

такимъ образомъ новые вѣки хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство: послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ. Но какая разница, любезный *Плутонъ*, между тобою и *Калигулою:* тотъ хотя, пользуясь своимъ правомъ, могъ заставить свой народъ молчать и уважать свои дурачества; но онъ конечно зналъ, что потомки положатъ истинную цѣну его дѣламъ; а мы съ тобою, любезный супругъ, не можемъ опасаться потомковъ: мы безсмертны, и исполняя маленькія свои прихоти, всегда будемъ въ силахъ принудить тѣней почитать шалости. Естьли бы намъ вздумалось кого нибудь взять изъ бѣшенова дома и сдѣлать нашимъ первымъ Министромъ, то и тогда имѣли бы мы способъ весь адъ заставить почитать его первымъ мудрецомъ во всей подсолнечной. Послѣ такихъ убѣдительныхъ доказательствъ,

Плутонъ не могъ болѣе противиться своей женѣ. Они удалились въ кабинетъ и съ помощію *Фурбинія* сочинили объявленіе о его достоинствѣ, которое немедленно отдано было *Харону*, что бы онъ объявлялъ его всѣмъ новопріѣзжающимъ тѣнямъ: прибили подлѣ Цербера, который подкусывалъ голени всѣмъ, кто осмѣливался хотя улыбнуться при чтеніи столь премудраго сочиненія, и потомъ разослали по всему аду. Тремъ *фуріямъ* дали такъ же по одному экземпляру, и видъ сихъ сестрицъ, вооруженныхъ бичами, не малую придавалъ силу краснорѣчію *Плутона*. Ты, я думаю, любопытенъ узнать, любезный *Маликульмулькъ*, сію грамоту: прочти, вотъ ея списокъ.

„По изволенію судебъ, мы повелители непобѣдимаго ада, обладатели всѣхъ померших и имѣющихъ померетъ племенъ земныхъ, „нашему аду спокойствіе.„

„Извѣстно во всемъ свѣтѣ, съ какимъ благоволеніемъ принимали и принимаемъ мы въ наше покровительство оставляющихъ оный свѣтъ людей, по разнымъ обстоятельствамъ. Милліоны храбрыхъ героевъ, перерѣзавшихъ другъ друга, здѣсь нашли себѣ общее и мирное пристанище; погубившіе себя отъ невоздержанія болѣзньми обрѣли здравіе и не опасаются болѣе врачей; гонимые счастіемъ, не ждутъ болѣе здѣсь перемѣнъ непостоянной фортуны; лишенные жизни несправедливо своими Государями, имѣютъ удовольствіе жить съ ними здѣсь въ братскомъ согласіи; и сами Государи не боятся здѣсь ежечасно возмущеній, бунтовъ и народныхъ ропотаній, и живутъ спокойно отъ нападенія зависти; полуученые и безумцы не терзаются досадою видѣть свѣтъ, почитающій ихъ глупѣе ихъ сверстниковъ. Смерть сравниваетъ всѣ умы и познанія: здѣсь нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ,

ни знатныхъ, ни подлыхъ: нѣтъ ни зависти, ни презрѣнія.,,

,,Радуясь сему, и желая еще тверже оградить спокойство нашихъ подданныхъ, благоизволяемъ мы учредить некоторыя перемѣны въ адѣ, кои произвесть препоручаемъ Римлянину *Фурбинію*. А какъ для произведенія сихъ перемѣнъ нуженъ добросовѣстный и умный человѣкъ, того для во всѣхъ обширныхъ предѣлахъ нашего пространнаго владѣнія, повелѣваемъ почитать его *Фурбинія* честнымъ и разумнымъ человѣкомъ, потребнымъ для адскаго благосостоянія, и признавать его главнымъ надзирателемъ всѣхъ тѣней.,,

,,Повелѣваемъ всему аду вѣрить, что онъ *Фурбиній* совершеннѣе другихъ тѣней, и потому имѣетъ неоспоримое право называть безумнымъ всякаго, кого будетъ ему угодно, выключая Нашего Величества. Ассирійскіе, Египетскіе и Греческіе мудрецы должны уступать ему въ пре-

мудрости. СверхЪ того, хотя онЪ *Фурбиній* вЪ своей жизни не сдѣлалЪ никакого храбраго дѣла, и предпочиталЪ пляску военному искуству; но мы чрезЪ сіе объявляемое наше соизволеніе, признаемЪ его *Фурбинія* первымЪ героемЪ изЪ смертныхЪ. *АлександрЪ, КирЪ, ГанибалЪ, СципіонЪ,* и побѣдители свѣта, и искусные полководцы, да не дерзаютЪ сЪ нимЪ спорить вЪ преимуществѣ военнаго званія, подЪ опасеніемЪ за всякій спорЪ по семидесяти ударовЪ бичемЪ *Алектоны.*,,

,,Естьли же кто изЪ ФилософовЪ дерзнетЪ сказать, что тѣни всѣ равны, и что *Фурбиній* не умнѣе *Сократа* или другихЪ мудрецовЪ: таковыхЪ возмутителей общей тишины подвергать жесточайшему штрафу; ибо благоугодно намЪ, дабы всякій, не входя вЪ дальнѣйшее разсмотрѣніе *Фурбиніева* ума и храбрости, признавалЪ его храбрѣе и умнѣе себя, и что бы всѣ другія тѣни повиновались

его повелѣніямъ: и хотя бы оныя возбуждали народный плачь; но со всѣмъ тѣмъ повелѣваемъ признавать ихъ справедливыми: естьли же они касаться будутъ до опасности собственной нашей особы, тогда докладывать намъ; однакожь подъ опасеніемъ вѣчной муки доносщику, естьли *Фурбингево* краснорѣчіе побѣдитъ его доказательства.,,

,,Въ заключеніежъ сего, повелѣваемъ тремъ *фуріямъ* принять въ начальство семдесятъ тысячь адскихъ духовъ, и стараться соблюдать народное спокойство: естьли же кто дерзнетъ симъ объявленіемъ быть не доволенъ, такого возмутителя, для общаго благосостоянія, бросать въ тартаръ на сто тысячь лѣтъ.,,

Послѣ сего убѣдительнаго объявленія ни одна тѣнь не осмѣлилась признавать въ *Фурбинги* безполезнаго плясуна; но весь адъ принялъ твердое мнѣніе о его достоинствахъ, и *Фурбинги* такъ былъ симъ доволенъ,

какъ будто бы получилъ *Плутоновымъ* указомъ геройство, умъ и добродѣтель.

Пожалованный въ мудрецы такимъ новымъ для ада образомъ, не умедлилъ онъ пользоваться своею властію, далъ почувствовать ее всему аду, и потомъ началъ набирать дворъ.

Онъ пошелъ. . . . . Но я слышу шумъ во всемъ адѣ, всѣ бѣгаютъ и суетятся: конечно случилась еще какая новая перемѣна. — Прости, любезный *Маликульмулькъ*, я скоро увѣдомлю тебя и о причинѣ сего смятенія, и о концѣ *Фурбиніева* набора.

ПИСЬМО XXXV.

Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку.

Я не буду тебѣ ничего говорить, почтенный *Маликульмулькъ*, о тѣхъ упражненіяхъ, которыя были при-

чиною, что я давно къ тебѣ не писалъ; а скажу только, что въ сіе время облеталъ я большую часть обширныхъ воздушныхъ предѣловъ, и сего дня хочу тебя увѣдомить о нѣкоторомъ произшествіи, которое сколь ни обыкновенно; но произвело во мнѣ глубочайшія впечатлѣнія.

Слѣдуя по воздушному пути, для исполненія нѣкоторой препорученной мнѣ коммисіи, долженъ былъ я пролетать поверхъ одного города, достойнаго примѣчанія, какъ по прекрасному своему мѣстоположенію и по великолѣпію находящихся въ немъ зданій, такъ и по богатству своихъ жителей. Хотя я бывалъ въ немъ много разъ, однакожь не могъ утерпѣть, чтобъ не побывать еще въ такомъ мѣстѣ, которое пріятностію своею всегда меня утѣшало. И такъ, спустившись на землю и принявъ на себя видъ человѣка, вошелъ я въ сей городъ, надѣясь найти въ немъ

такое же утѣшеніе, какое находилъ прежде, и въ томъ не обманулся; ибо вошедъ туда, увидѣлъ я всѣхъ тамошнихъ жителей въ превеликомъ движеніи: я спрашивалъ тому причины, и тотъ, кому я дѣлалъ сей вопросъ, отвѣтствовалъ мнѣ, съ великимъ удивленіемъ: ,,Какъ! конечно ,,вы иностранецъ, и видно теперь ,,только прибыли въ сей городъ, что ,,ничего не знаете и дѣлаете мнѣ ,,такой вопросъ. Знайте, продолжалъ ,,онъ, что одинъ здѣшней знатной и ,,богатой господинъ сего дня женится ,,на богатой невѣстѣ; весь этотъ ,,народъ, которой вы здѣсь видите, ,,сбѣгается сюда со всѣхъ сторонъ ,,для того, чтобъ быть зрителемъ ,,радости и удовольствія сей счастливой четы, которая скоро поѣдетъ ,,мимо сего мѣста изъ церкви, гдѣ ,,они вѣнчались.,, Въ самомъ дѣлѣ, лишь только успѣлъ онъ окончить сіи слова, какъ увидѣлъ я проѣзжающіе великолѣпные экипажи, въ ко-

торыхъ сидѣли новобрачные, богато одѣтые, и оказывающіе на лицахъ своихъ радость и удовольствіе: таковая же радость видна была и во всѣхъ находящихся при сей церемоніи. Великая толпа народа обоего пола слѣдовала за ихъ каретами, и восклицаніями своими желали всякаго благополучія счастливымъ супругамъ.

Ничего не недоставало къ блаженству сихъ новобрачныхъ; они видѣли исполненіе своихъ желаній, достигали уже до той минуты, о которой столь долго воздыхали, и ожидали оной съ нетерпѣливостію. Съ какимъ восхищеніемъ повергнутся они другъ другу въ объятія, и какимъ удовольствіемъ будутъ наслаждаться! Ежели бы дѣла мои позволили мнѣ пробыть долѣе въ семъ городѣ, то бы я вошелъ ночью невидимкою въ ихъ спальню, чтобъ быть зрителемъ любовнаго ихъ восторга: но какъ я долженъ былъ непремѣнно въ ту же самую

минуту опять отправиться въ свой путь, то для того предпочелъ должность мою тому удовольствію, которое бы могъ чувствовать, взирая на совершеннѣйшее утѣшеніе сихъ счастливыхъ любовниковъ; ибо тебѣ извѣстно, мудрый *Маликульмулькъ*, что радость и утѣшеніе смертныхъ не могутъ быть нечувствительны Сильфамъ.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ того, отправя препорученныя мнѣ дѣла и возвращаясь тѣмъ же путемъ для отданія въ томъ отчета, вошелъ я опять въ тотъ городъ, въ которомъ былъ свидѣтелемъ счастливаго брака; но сколь велико было мое удивленіе, какъ при освѣдомленіи моемъ о новобрачныхъ, надѣясь, что наслаждаются они совершеннымъ блаженствомъ, услышалъ я, что жестокая смерть все счастіе ихъ прекратила. Мнѣ сказали, что чрезъ нѣсколько дней послѣ брака молодой супругъ получилъ болѣзнь, отъ которой никакое

искуство Докторовъ не могло его избавить. Тщетно употребляли они всю свою науку, дабы сохранить его жизнь для дражайшей его супруги: всѣ старанія ихъ были безполезны. Ни слезы родителей, ни стенаніе супруги, ни молодость и крѣпость умирающаго, ни уваженіе къ его чинамъ и богатству: однимъ словомъ, ничто не могло убѣдить жестокую смерть, которая безъ жалости прервала нить дней его, кои надѣялся онъ препроводить въ пріятнѣйшемъ удовольствіи.

Дѣла препорученныя мнѣ столь много меня занимали, что мнѣ казалось, будто бы прошло не болѣе одной минуты между тѣмъ временемъ, когда я былъ свидѣтелемъ благополучія сихъ новобрачныхъ, и когда оное смертію счастливаго супруга прекратилось. Признаюсь, мудрый *Маликульмулькъ*, что сіе жалостное произшествіе много меня опечалило и произвело во мнѣ прискорб-

нѣйшія размышленія о тѣхъ бѣдствіяхъ, коимъ люди бываютъ подвержены. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ быть нечувствительну, видя отчаяніе двухъ фамилій и печальное и жалостное состояніе, въ которое повержена молодая и любви достойная вдова, лишившаяся того, кто былъ для нее на свѣтѣ всего драгоцѣннѣе? Ей представлялся бракъ только съ хорошей стороны; она вкушала всѣ его пріятности, и льстила себя, что сіе блаженное состояніе продолжится вѣчно; но вдругъ утѣшительныя ея мысли прервались смертію того человѣка, котораго любила она болѣе самой себя, и вдругъ изчезла вся ея надежда наслаждаться ожидаемымъ счастіемъ. И самая мужественная твердость возможетъ ли устоять противъ столь страшнаго удара? Сердце совсѣмъ нечувствительное могло ли бы воспротивиться, чтобъ не почувствовать сожалѣнія къ ея несчастному положенію?

Я былъ столько тронутъ симъ печальнымъ приключенiемъ, что въ тужъ минуту оставилъ тотъ городъ, въ которомъ происходило сiе жалостное позорище. Всѣ прiятнѣйшiя въ ономъ предмѣты, которые въ другое время могли бы принести мнѣ величайшее удовольствiе, тогда напоминали мнѣ только о томъ мечтательномъ блаженствѣ, которымъ сiи супруги наслаждались одну только минуту. Вотъ сколь мало, любезный *Маликульмулькъ*, люди могутъ полагаться на блаженство здѣшней ихъ жизни! естьли иногда достигаютъ они въ ономъ и до самаго совершенства, то никогда однакожь не могутъ надѣяться долго имъ наслаждаться; ибо минута, въ которую почитаютъ они себя благополучнѣйшими, часто наноситъ имъ величайшее несчастiе. Стремительное прехожденiе отъ одного состоянiя къ другому, бываетъ въ жизни человѣческой столь легко и обычайно, что должно почи-

тать великимъ безуміемъ, когда бы кто возгордился своимъ благоденствіемъ, которое въ одно мгновеніе можетъ исчезнуть. Естьли бы было въ здѣшнемъ свѣтѣ такое благо, которое никакимъ случаемъ у людей не могло бы быть похищено, и въ обладаніи котораго ничто бы имъ не воспрепятствовало, тогда обладая онымъ люди могли бы назваться благополучными; но гдѣ есть такое благо? и могъ ли кто когда нибудь похвалиться, чтобъ обладалъ имъ совершенно? Извѣстно мнѣ, что были такіе философы, которые мнили быть обладателями сего драгоцѣннаго сокровища, но они послѣ сами удостовѣрились собственными своими опытами, что сіе мнѣніе ихъ было мечтательное, такъ что наконецъ принуждены были признаться, что совершенное благо была такая вещь, до обладанія которой никакой смертной никогда въ здѣшнемъ свѣтѣ не могъ достигнуть; а къ достиженію онаго ближе всѣхъ

бываетъ только тотъ, кто имѣетъ непорочную совѣсть, не чувствуетъ ни малаго угрызенія о прошедшемъ, и не страшится будущаго. Однакожь и такой человѣкъ не можетъ себя защитить отъ ударовъ счастія, ниже быть ко оному нечувствительнымъ: для него остается только величайшимъ утѣшеніемъ то истинное увѣреніе, что онъ добрыми своими дѣлами можетъ быть угоденъ высочайшему Судіи вселенной, и что не имѣетъ никакого страха явиться предъ Его судилище, столь ужасное для тѣхъ, кои не пщились, такъ какъ онъ, исполнять Его волю.

Мудрость, которою ты обладаешь, почтенный *Маликульмулькъ*, подала мнѣ смѣлость сообщить тебѣ сіи мои размышленія: я сіе дѣлалъ не для наученія тебя, ибо безъ всякаго сомнѣнія ты и самъ часто о семъ размышляешь; но при описаніи оныхъ не имѣлъ я другаго намѣренія, кромѣ собственнаго моего удовольствія, и

чтобъ тѣмъ ты паче утвердился въ наукѣ мудрости, и въ прилеплѣніи къ добродѣтели, которая можетъ почитаться величайшимъ блаженствомъ, до коего ты со временемъ достигнуть можешь.

ПИСЬМО XXXVI.

Отъ Гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку.

Очень опасно, по моему мнѣнію, любезный *Маликульмулькъ*, имѣть худаго совѣтника; но ничего нѣтъ опаснѣе, какъ имѣть его въ своемъ отцѣ. Есть однакожь изверги, недостойные почтеннаго имени родителя, которые вмѣсто наставленія развращаютъ своихъ дѣтей. Ты узнаешь изъ письма, которое я при семъ къ тебѣ прилагаю, справедливы ли мои слова; но надобно прежде увѣдомить тебя, какимъ образомъ досталось мнѣ это письмо.

На сихъ дняхъ бѣгая изъ суда въ судъ, наконецъ отчаявался я сыскать преемниковъ тремъ нашимъ судьямъ: въ иныхъ мѣстахъ видѣлъ я, что судьи были больны одною болѣзнію съ *Еакомъ*, то есть, были глухи и не слушали словъ своихъ челобитчиковъ; а другіе, у которыхъ мозгъ былъ не въ лучшемъ состояніи, какъ у *Миноса*, не понимали, что имъ читали подьячіе, и подписывали все то, что угодно было ихъ секретарямъ, которые употребляли ихъ, какъ нѣкоторое орудіе, къ своему обогащенію. Хотя и были между ими разумные, но они болѣе занимались происками, чтобъ возвысить себя и унизить своихъ противниковъ, нежели челобитчиковыми дѣлами; и такимъ образомъ бѣднымъ челобитчикамъ не было инаго утѣшенія, кромѣ добрыхъ судей, которымъ не даютъ никакой воли, и которые толь робки, что боясь истиною прогнѣвать знатныхъ господъ, потакаютъ несправедливости ихъ любимцевъ.

Прохаживаясь такимъ образомъ, остановился я въ прихожей одного суда, что бы нѣсколько отдохнуть, и лишь только присѣлъ, какъ вдругъ вошла въ комнату нѣкоторая бѣдная женщина, которая дожидаясь случая увидѣть судей сѣла подлѣ меня. Какъ я представлялъ челобитчика, а она дѣйствительно въ судѣ имѣла искъ, то и ничего не было легче намъ, какъ разговориться о нашихъ дѣлахъ: я разсказалъ ей мнимую повѣсть о своихъ, а она открыла мнѣ свои.

Три рода женщинъ знаю только я несчастливыхъ, сударь, сказала она мнѣ: первыя изъ нихъ нѣмыя спорщицы, которыя лишены удовольствія обыкновеннымъ своимъ орудіемъ отгонять отъ себя досадчиковъ: вторыя молодыя щеголихи, которыя принуждены жить въ деревнѣ; а третьи тѣ женщины, которыя перешедъ за сорокъ лѣтъ своей жизни, имѣютъ тяжебныя дѣла. Ахъ! продолжала она со слезами, я претерпѣла всѣ сіи

злощастія. Желая отвязаться отъ строгихъ моихъ родителей, я вышла замужъ въ молодыхъ лѣтахъ за одного бѣдняка: я была красавица, сударь, и могла сдѣлать его счастливымъ; но этотъ негодяй увезъ меня въ свою деревню, гдѣ я должна была проводить лучшія мои лѣта не видя никого, кромѣ рогатаго скота и нѣсколькихъ мужиковъ, которые еще отвратительнѣе были моего мужа: въ такой горести одно утѣшеніе оставалось мнѣ, чтобъ всякой день перебранить всѣхъ, начиная съ него и до послѣдняго скотника: да и подлинно, не проходило ни одной минуты, что бы кто изъ нихъ къ моему утѣшенію не сдѣлалъ какого дурачества. Такимъ-то образомъ всегда для меня было нѣкоторое упражненіе, и мой языкъ умолкалъ только тогда, когда я засыпала; но о несчастіе! кричавши шесть недѣль сряду, я охрипла и мой язычекъ упалъ, (при сихъ словахъ бѣдная женщина еще больше запла-

кала.) Вообразите, сударь, мое состояніе! всякой день открытыми глазами я видѣла всѣ дурачества моего мужа, моихъ дѣвокъ и нашихъ дворовыхъ, и принуждена была все это сносить не выговоря ни одного слова. Всякой день брюзгливой мой мужъ дѣлалъ мнѣ свои вздорныя поученія: а я не могла заглушить его своими словами, и вытараща глаза принуждена была слушать его вранье. Такимъ мученіемъ наказывалъ меня Богъ семь лѣтъ. Жестокой мужъ мой старался какъ можно отдалять отъ меня всѣхъ лѣкарей, что бы продолжить навсегда пріятную для него мою болѣзнь; но наконецъ Небо сжалилось на мое мученіе: я занемогла зубами: призвали лѣкаря, и онъ ошибкою вмѣсто зубовъ вылѣчилъ мой язычекъ, которой поднялся по прежнему. Я была внѣ себя отъ радости, и сколь ни велика была моя боль въ зубахъ; но я въ тужъ минуту пошла браниться съ моимъ мужемъ, и думаю

точно этимъ крикомъ прогнала я отъ себя зубную болѣзнь; но какъ бы то ни было, только я твердо вознамѣрилась наградить несносныя для меня семь лѣтъ моей нѣмоты. Уже я чувствовала пріятнѣйшее удовольствіе слышать, что мой голосъ раздавался по комнатамъ: уже ни чьихъ рѣчей въ домѣ, кромѣ моихъ, не было слышно, какъ дьяволъ позавидовалъ моему счастію. Спустя три недѣли послѣ моего выздоровленія, послѣ обѣда вошла я въ комнату, гдѣ мужъ мой имѣлъ привычку въ это время спать: я нашла его закутаннаго въ одѣялѣ, хотя уже на дворѣ было семь часовъ по полудни. Скажите, приличенъ ли былъ этотъ часъ, чтобъ спать? Вы можете догадаться, что я въ тужъ минуту начала браниться: по крайней мѣрѣ на сей разъ я была справедлива. Я сѣла противъ его у окошка, и кричала ему, что хозяйство требовало, чтобъ не быть такъ сонливымъ. Развѣ позабылъ ты,

говорила я ему, что мы еще сего дня не были въ прядильной и не бранили бабъ: развѣ ты не вспомнишь, что уже скоро будетъ время итти ко всенощной, а тебѣ прежде еще этого надобно мужиковъ пересѣчь за то, что они сего дня не успѣли до ненастья въ огородъ съѣздить и убраться съ поля: и развѣ вышло у тебя изъ головы, негодяй, продолжала я, что у тебя есть жена, отъ которой ты и такъ всегда бѣгаешь и дѣлаешь ее пустынницею: вѣдь здѣсь не городъ, гдѣ бы я могла найти тысячу человѣкъ, кѣмъ и безъ тебя заняться; словомъ: кричала я ему сколько могла, и наконецъ скуча его терпѣніемъ сдернула съ него одѣяло; — но о Небо! онъ уже былъ холоденъ, — мой мужъ умеръ. Представьте, каково было мое мученіе! онъ не слыхалъ ни одного слова, что я ему говорила. (бѣдная женщина опять заплакала.) Уже этого-то перенести не было у меня силъ: я зары-

дала какъ могла громче, но уже ничто не помогло: однимъ словомъ сказать, я его похоронила, проживши съ нимъ только три недѣли послѣ моей нѣмоты.

Какъ покойникъ меня любилъ и былъ въ прочемъ доброй человѣкъ, царство ему небесное! то онъ еще за живо укрѣпилъ мнѣ свою деревнишку. Я нашла его крѣпость, и вступя во владѣніе сего помѣстья, думала спокойно провести остатокъ своей жизни; но проклятой ябедникъ мой сосѣдъ узнавши, что мой мужъ умеръ, сыскиваетъ какое-то право на мою деревню и зачинаетъ со мною тяжбу, когда я еще не успѣла оглядѣться. Какъ онъ богатой человѣкъ, то съ самаго начала выгоняетъ меня изъ деревни, и послѣ того подаетъ прошеніе, что бы судьи подписали приговоръ, которой онъ прежде уже разсмотрѣлъ и исполнилъ.

Это принудило меня приѣхать сюда въ городъ; но уже судьи под-

писали то, что онъ сдѣлалъ: я ихъ просила и доказывала мою справедливость: они обо мнѣ сожалѣли, но не передѣлали моего дѣла: можетъ быть для того, что уже издержали деньги, которыя имъ заплачены за сей приговоръ: а мнѣ нечѣмъ было надбавить цѣну моего соперника; и такъ, я осталась въ проигрышѣ. Послѣ сего перенесла я мое дѣло въ другой судъ, и услышала, что тутъ судья не любилъ брать взятки: это нѣсколько меня обнадежило; но къ несчастiю узнала, что онъ любилъ пить съ своими челобитчиками. Мой соперникъ напивался съ нимъ всякой день до пьяна, и я опять потеряла свой искъ. Наконецъ я перенесла дѣло въ сей судъ, и вездѣ съ радостiю слышала, что здѣсь главной судья не пьетъ и не беретъ взятковъ; но несчастiе не перестаетъ меня гнать. Вчерась увѣдомилась я, что хотя онъ дѣйствительно правосуденъ; но что одинъ взглядъ молодой женщины въ со-

стоянiи испортить его вѣсы: а у моего соперника жена жеманница двадцати двухъ лѣтъ. Не несчастливая ли я женщина! естьлибъ за двадцать лѣтъ назадъ была эта проклятая тяжба, то я ни мало не заботясь надѣялась бы на свою справедливость; но бывъ обременена сорока двумя годами, могу ли я надѣяться побѣдить соперника, женатаго на двадцатилѣтней красавицѣ. Ахъ! сударь, пригожая женщина всякую ложь можетъ сдѣлать истиной: у нашего судьи конечно есть глаза и сердце. — Ну, сударыня, отвѣчалъ я, естьли бы не было у него глазъ, то онъ не разсмотрѣлъ бы истины; а ежели бы не было сердца, то бы онъ не тронулся ею. — Ахъ! сударь, вскричала огорченная вдова, я не на то жалуюсь, что у него есть сердце и глаза: но на то, для чего эта проклятая тяжба не за двадцать лѣтъ предъ симъ случилась.

Едва окончила она свою рѣчь, какъ вдругъ вышелъ судья, человѣкъ весьма набожнаго вида. Кто здѣсь госпожа *Безумолкова*, урожденная *Златоискова*, спросилъ онъ. — Я сударь, отвѣчала вдова. — А! сударыня, я читалъ ваше дѣло, и не смотря на рѣшеніе двухъ судовъ, вижу вашу справедливость: и такъ, будьте увѣрены, что оно кончится въ вашу пользу въ самомъ скоромъ времени: а между тѣмъ, чтобъ узнать рѣшительной приговоръ, вы можете пожаловать ко мнѣ сего дня въ четвертомъ часу по полудни. Послѣ сего онъ поговорилъ еще съ нѣсколькими челобитчиками, и пошелъ въ судейскую, оставя и вдову и меня въ величайшемъ удивленіи о столь рѣдкомъ его добродушіи.

Видите ли, сударыня, сказалъ я вдовѣ, какъ вы прежде времени несправедливо жаловались на сего судью; онъ не бравъ съ васъ денегъ, не напиваясь съ вами пьянъ, и не изъ уваженія къ вашимъ прелестямъ, коихъ

конечно разсмотрѣть ему было нѣкогда, хочетъ рѣшить дѣло въ вашу пользу. — Это меня восхищаетъ, отвѣчала она, и я нынѣ же отпишу о семъ старшей моей сестрѣ *Златоисковой*. Какъ, сударыня, спросилъ я, у васъ есть старшая сестрица, которая еще не замужемъ? — Чему же вы дивитесь, отвѣчала вѣтреная вдова, ей еще не болѣе двадцати семи лѣтъ: она можетъ еще имѣть въ свое время жениховъ. Послѣ сего вѣтреная *Безумолкова* пошла отъ меня въ восхищеніи, позабывъ о томъ, что она за двѣ минуты предъ тѣмъ проболталась мнѣ, въ своей печали, что ей сорокъ два года, а я отправился домой.

Вотъ наконецъ нашелъ я хотя одного честнаго судью! думалъ я самъ въ себѣ: теперь мнѣ есть чѣмъ обрадовать *Плутона*, которой уже, думаю, на меня сердится, что я до сихъ поръ не сыщу для него добраго блюстителя законовъ, и приписы-

ваетъ, можетъ быть, моему нерадѣнію то, что должно приписывать нерадѣнію большихъ господъ: докажемъ же адскимъ жителямъ, что и здѣсь есть судьи, которыхъ перо свободно, и не управляется ни деньгами, ни виномъ, ни женщинами, и поспѣшимъ похитить у свѣта человѣка, которой конечно или развратится, или будетъ гонимъ.

Узнавши домъ сего судьи, въ три часа по полудни, торопился я къ нему, чтобъ уговорить его заступить мѣсто *Еака*. Домъ его не показывалъ въ себѣ ничего великолѣпнаго, и тѣмъ болѣе увѣрялъ меня въ некорыстолюбіи хозяина. Я не видалъ ни одной бутылки во всемъ домѣ, почему имѣлъ причину думать, что онъ очень воздерженъ: такъ же не сыскалъ я тамъ ни одной женщины, кромѣ семидесятилѣтней старухи, которая перемывала посуду и ворчала, что она достальныя зубы переломала о черствыя корки хлѣба, не находя

*

ничего другаго къ столу: и это подтвердило мои мысли, что у него женщины не много выиграютъ своею несправедливою прозьбою. Я позабылъ тебѣ сказать, что желая его посмотрѣть, я сдѣлался невидимымъ.

Такимъ образомъ прошелъ я до самой той комнаты, въ которой онъ писалъ письма. Между прочими изготовленными, лежало одно къ его сыну. Я его тихонько взялъ, и читалъ съ великимъ удивленіемъ: думаю, что и ты не меньше моего удивишься, когда его разсмотришь: вотъ оно.

Любезной сынъ!

Пріятное твое мнѣ письмо я въ семъ мѣсяцѣ получилъ, и радуюсь, что ты въ приказѣ набилъ руку такъ твердо, что своимъ чоткимъ письмомъ и самому слѣпому судьѣ можешь понравиться: только замѣтилъ я, что ты *Ять* пишешь очень часто,

и ставишь двоеточіи, запятыя и точки. Пожалуй повоздержись, *Ленщулушка*, а то еще скажутъ, что ты не кстатѣ умничаешь. Замѣть, мой другъ, что судья, которой не употребляетъ *ятей* и запятыхъ, никогда не бываетъ друженъ съ секретаремъ, которой пишетъ по форографіи: да мнѣ и еще есть нуждица кое о чемъ съ тобою поизъяснитца.

Ты пишешь, что тебѣ несносна приказная служба, и просишь дозволенія ее оставить. — Съ чего ты это забралъ себѣ въ голову, другъ мой! Да знаешь ли ты, что твой дѣдъ нажилъ въ этой службѣ больше сорока тысячь рублей: твой отецъ пріобрѣлъ большой каменной домъ въ четыре этежа: да и ты мой свѣтъ, доколѣ не наживешь хотя посредственной деревнишки, дотолѣ я тебя изъ этой службы не выпущу, или не будь надъ тобою мое благословеніе: а ты знаешь, что этимъ шутить дурно.

Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ! — Вотъ какой вздоръ! да я братъ и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ, за то нынѣ и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, другъ мой, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Будто велика бѣда въ праздникъ сходить къ судьѣ на поклонъ! вѣдь нѣчего же дѣлать. Къ обѣдни, скажешь ты мнѣ. — Къ обѣдни, другъ мой, успѣешь и отъ начальника, а естьли и нѣкогда будетъ, то Богъ не взыщетъ: онъ до насъ милостивъ, и не прогнѣвается, естьли иногда прогуляешь обѣдню: а Совѣтникъ станетъ сердиться, естьли не придешь къ нему въ праздникъ по утру, и можетъ за это отомстить. Богъ по великой своей благости конечно проститъ, когда покаешься; а бояре вѣдь и покаянія не принимаютъ.

Я здѣсь знаю одного молодаго упрямца, которой такъ же какъ и ты опредѣлясь въ штатскую службу,

думалъ, что совсѣмъ не нужно ходить на поклонъ, и хотѣлъ лучше угодить своему начальнику прилѣжностію къ своей должности; но онъ тѣмъ сдѣлался несчастливъ: лучше бы было, естьли бы онъ прогулялъ, не бывши въ приказѣ сто дней, нежели пропустить шесть воскресеньевъ не постоявъ въ передней у своего покровителя, которой за то лишилъ его мѣста, и принялъ къ себѣ въ прихожую на жалованье другаго, которой и донынѣ за триста рублей въ годъ, и за два чина въ три года, ходитъ къ нему въ прихожую исправно по всѣмъ табельнымъ праздникамъ. Берегись, чтобъ и съ тобою не случилось такого же изгнанія: вѣдь и пѣнять не на кого будетъ; ты тѣмъ не мало себя въ людяхъ обезчестишь, для того что съ стороны не всякой догадается, голова ли или ноги твои были причиною, что тебя отставили.

Еще ты пишешь, что онъ тебѣ иногда несправедливые дѣлаетъ выго-

воры, и что ты при первомъ случаѣ самъ скажешь ему, что онъ неправильно тебѣ выговариваетъ: берегись этого дѣлать, сынокъ! Командиръ долго помнитъ, естьли ему подчиненной скажетъ, что онъ совралъ: а это можетъ имѣть очень худыя слѣдствія. Въ прочемъ ты хотя человѣкъ благородной но еще очень молодъ: для чего бы не вытерпѣть тебѣ отъ начальника грубаго словца; я слыхалъ, какъ вашу братью благородныхъ дураками и скотами называютъ; а иногда и палкою по лбу заѣдутъ: да кто больше сноситъ, того больше и жалуютъ, и для того-то многіе благородные терпѣливо сносятъ отъ своихъ командировъ названіе глупца, разини и проч. помня пословицу: *гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.*

А естьли ты вздумаешь ему итти вопреки, то тебѣ же будетъ хуже: я тебѣ пророчествую, что онъ хотя и перестанетъ тебя бранить; но за то подкопаетъ подъ тобою такую

вину, что ты и мѣста не сыщешь. Ты опять мнѣ скажешь, что ты постараешься быть исправнымъ въ должности, слѣдственно и будешь безопасенъ отъ всѣхъ подысковъ. — Пустое, другъ мой! да знаешь ли ты пословицу: *Господинъ сыщетъ вину, естьли захочетъ ударить палкою свою собаку.* При томъ ты долженъ знать и то, что всякой начальникъ представляетъ въ себѣ особу Государя, и мы такъ же его слуги, какъ и Государевы; а слугу-то, ты вѣдь знаешь, что можно бить, какъ собаку. И такъ, всѣ мы собаки, *Лентулушка*, и всѣхъ насъ можно бить палками: хотя нынѣ и запрещено это дѣлать; но всякой ли подчиненной имѣетъ случай и предстательство, чтобъ получить удовольствіе на своего начальника; довольно намъ и того утѣшенія, что и у нашихъ-то командировъ есть свои командиры, у которыхъ они такими же бываютъ слугами, какъ мы у нихъ.

И такъ, оставь пожалуй твой строптивой правъ, и покорись лучше необходимости; какъ ты въ твои лѣта и съ твоимъ умомъ не можешь сыскать счастія въ начальникѣ! Сколько разъ училъ я тебя, какъ надобно поступать въ такомъ случаѣ; а ты все позабываешь мои наставленія, и одно утямилъ себѣ въ голову, что ты *благородной! благородной!* въ службѣ, другъ мой, надобно только это помнить передъ своими подчиненными: а передъ командирами должно совсѣмъ это изъ головы выкинуть. Каковъ бы глупъ командиръ ни былъ; но кто захочетъ къ нему подбиться, тотъ позабываетъ свое *благородство*, старается подражать всѣмъ его дурачествамъ, хвалить его поступки, потакаетъ его словамъ, и чрезъ то хочетъ сдѣлаться первымъ его любимцемъ: а часто и получаетъ въ томъ успѣхъ, хотя въ прочемъ совсѣмъ не смыслитъ своей должности. Примѣть, любезный сынъ! что это

не въ одномъ вашемъ судѣ наблюдается: не уже ли ты хочешь быть выродкомъ изъ приказныхъ.

Но естьли ты такъ лѣнивъ, то ищи хотя другою дорогою своего счастія. Ты знаешь у твоего судьи клюшницу *Златоисковy*: постарайся къ ней подбиться, избѣгая однакожь всякихъ грѣховныхъ помышленій. Въ прочемъ, любезный *Лентулъ!* естьли бы ты такъ счастливъ былъ, что бы сыскалъ въ ней благополучіе, то бы чинка два вѣрныхъ схватилъ, для того, что у этихъ клюшницъ и отъ чиновъ часто бываютъ ключи: а ежели бы хотя и грѣховное что случилось, то бы ты еще въ свой вѣкъ умѣлъ покаяться, а чиновъ-то бы съ тебя не сняли. Я самъ грѣшной человѣкъ, *Лентулушка!* у моего Совѣтника была кухарка, то правда, хотя я отъ нее чиновъ и не получалъ, но раза два отъ солдатчины избавлялся: да полно я и не лѣнивъ былъ, не такъ какъ ты, *Ленту-*

лушка!.... Только слушай, *Лентулъ!* я тебѣ шутя это пишу: а въ самомъ дѣлѣ, что ты ни сдѣлаешь, я грѣха на себя не принимаю, по пословицѣ: *Ты въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ;* но ежели ты не боишься епитиміи, то пожалуй себѣ залѣзь этой дорогой въ чинокъ другой: я же съ своей стороны, любезной другъ! никогда не оставлю тебя своими отцовскими молитвами.

Я такъ о тебѣ болѣе думаю, нежели ты самъ: мнѣ недавно попался случай, которой можетъ послужить къ твоему благополучію, и я за него ухватился обѣими руками.

У меня недавно случилось дѣло какого-то богача по прозванію *Кривопросова* со вдовою *Безумолковою*, которая по отцѣ *Златоисковыхъ:* я тотчасъ представилъ, что она сестра клюшницы твоего судьи, и не смотря на богатые подарки *Кривопросова*, рѣшилъ дѣло въ ея пользу. Я хочу съ нею свести знакомство,

что бы посредствомъ ее упросить клюшницу о ея за тебя предстательствѣ. Видишь ли, другъ мой, чемъ я тебѣ пожертвовалъ! по крайней мѣрѣ тремя тысячами рублями: да естьлибъ только ты былъ порачительнѣе, то бы я былъ въ состояніи сдѣлать и еще болѣе: я бы женился на этой вдовѣ, что бы тѣмъ породниться съ клюшницею твоего начальника, и привесть тебя у него въ милость; но сердце мое слышитъ, что ты не поддержишь моего намѣренія, и для того на старости я намѣренъ только за нею примахнуть.

Что же ты пишешь объ отставкѣ, то еще повторяю, что это совсѣмъ пустое, мой другъ! чемъ ты жить станешь, развѣ съ своимъ секретарскимъ чиномъ по міру пойдешь. Что принадлежитъ до меня, то ты самъ знаешь, что я человѣкъ не слишкомъ достаточной, и прежде смерти ничего дать тебѣ не въ состояніи;

естьли же ты, какъ говоришь, надѣешься на своихъ пріятелей, то, любезной сынъ! *Не надѣйся ни на князи ни на сыны человѣческія;* а лучше наживи самъ тысячь пятьдесятъ, да тогда съ Божьей помощію и ступай въ отставку. Тогда естьли тебѣ приказная служба не будетъ нравиться, то съ такими большими деньгами, можешь и въ военной службѣ сыскать себѣ счастіе. Хотя ты не будешь гремѣть храбростію, и не напечатаютъ тебя во всѣхъ Европейскихъ вѣдомостяхъ; но что до этого нужды, и безъ того наживешь хорошихъ покровителей, и будешь получать чины: вѣдь вѣдомости не животная книга, въ нихъ не одни праведныя вписываются.

Я заглянулъ еще въ твое письмо; ты пишешь, что бы прислать къ тебѣ хотя нѣсколько денегъ: только право, мой другъ *Лентулушка!* у меня нѣтъ ни копѣйки;

а посылаю къ тебѣ мое родительское благословенiе, и остаюсь навсегда.

Отецъ твой
Авдей Частобраловъ.

ПИСЬМО XXXVII.

Отъ Силфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Разсматривая съ великимъ прилѣжанiемъ, почтенный *Маликульмулькъ*, различныя склонности людей, и не послѣдуя предразсудкамъ, никогда не вѣрю тѣмъ обманчивымъ видамъ, кои подобно мишурнымъ позументамъ издали блестятъ, какъ настоящее золото; но коль скоро станешь его разсматривать вблизи, то оное совсѣмъ теряетъ свою цѣну и достоинство. Я почитаю въ людяхъ одну только мудрость и добродѣтель, и подъ какими бы видами оныя мнѣ ни представлялись, я всегда равное

имѣю къ нимъ уваженіе. Мѣщанинъ добродѣтельный и честной крестьянинъ, преисполненные добросердечіемъ, для меня во сто разъ драгоцѣннѣе дворянина, счисляющаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастія, что родился отъ благородныхъ родителей, которые такъ же можетъ быть не болѣе его принесли пользы своему отечеству, какъ только умножали число безплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева.

Ежели бы кто захотѣлъ разсматривать начало многихъ фамилій, славящихся своею древностію, то увидѣлъ бы съ удивленіемъ, что сія знаменитость, столь много въ нихъ уважаемая, не имѣетъ другихъ себѣ основаній, какъ токмо благосклонность Министра, или его любовницы: или иногда заплаченіе за паргаментовой листъ великой суммы денегъ, приобрѣтенной чрезъ грабленіе вдовъ

и сиротъ: и тѣмъ учинилась блистательною, такъ что пользующіеся оною не болѣе въ томъ имѣли участія, какъ и въ славѣ великаго Могола, или въ побѣдахъ Царя *Пегускаго*.

Можетъ ли что быть страннѣе, почтенный *Малику Имулькъ*, какъ приписывать фамиліямъ таковыя же свойства, каковыя имѣютъ растущія деревья, кои произрастаютъ и возвышаются на какой бы землѣ ни были посажены, не имѣя ни малой нужды ни въ чьей помощи? Коль скоро одинъ разъ частной человѣкъ учинилъ фамилію свою благородною, то можетъ несомнѣнно быть увѣренъ, что наслѣдники его, лишь только были бы богаты, часъ отъ часу будутъ нѣчто присовокуплять къ достоинствамъ, предкомъ ихъ пріобрѣтеннымъ. Такова есть участь дворянства. На какой бы землѣ ни было оное насаждено, но сколь долго какой родъ будетъ имѣть непрерывное свое продолженіе, то отъ времени до времени

дѣлается почтеннѣе и знаменитѣе; ибо истинное его достоинство почитается токмо въ древности.

Какія бы добродѣтели и великія достоинства ни имѣлъ новый дворянинъ; однакожь его почитаютъ дворяниномъ *новой фабрики*; но глупецъ и невѣжда, происходящій отъ древняго рода, почитается человѣкомъ знаменитаго происхожденія, и его называютъ древнимъ дворяниномъ.

Взирая иногда, почтенный *Маликульмулькъ*, на таковыя предразсудки, кои имѣютъ нѣкоторые дворяне о древности своего рода, кажутся они мнѣ столь же смѣшными, какъ пустыя мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, которые тогда только изъявляютъ почтеніе къ наилучшимъ твореніямъ *Фукидида*, *Тацита*, *Цицерона*, и проч. и тогда только оныя читаютъ, когда находятъ ихъ въ рукописяхъ древнихъ, совсѣмъ истасканныхъ, измаранныхъ и изодранныхъ. Сколько бы кто ни старался имъ предлагать тѣ же самыя

сочиненія исправленныя и со всякимЪ раченіемЪ преданныя тисненію, и сколько бы ихЪ кто ни увѣрялЪ, что вЪ тѣхЪ рукописяхЪ великое множество погрѣшностей: что многія слова стерты и совсѣмЪ почти непонятны: однакожь они никого бы не послушали; ибо прилѣпляются кЪ единой токмо древности: *ЦицеронЪ* кажется уже имЪ не *ЦицерономЪ*; *ФукидидЪ* теряетЪ для нихЪ всѣ свои достоинства, коль скоро не нужно надѣвать на носЪ очковЪ, дабы сЪ глубочайшимЪ вниманіемЪ разсматривать, сЪ потеряніемЪ своего зрѣнія, древнія рукописи, восемь, или девять сотЪ лѣтЪ назадЪ писанныя. Я думаю, почтенный *МаликульмулькЪ*, что сіе безпримѣрное почтеніе и уваженіе кЪ древнему дворянству, не имѣющему другаго достоинства, кромѣ единой токмо древности, можно почесть столь же безумнымЪ мечтаніемЪ, какЪ и ту страсть и привязанность кЪ древнимЪ рукописямЪ: а иногда упо-

доблямо я оныя тому безумному уваженію, которое имѣютъ Голандцы къ старой фарфоровой, или глиняной посудѣ: простой глиняной горшокъ, которой почли бы они за ничто, ежели бы онъ былъ сдѣланъ не болѣе года, поставляется у нихъ въ числѣ драгоцѣнностей, когда онъ сдѣланъ за пятьдесятъ, или за шесдесятъ лѣтъ назадъ.

Но когда я столь явно осуждаю людскіе предразсудки о дворянствѣ, то однакожь не желаю симъ утверждать, будто бы оно должно быть презираемо. Я совсѣмъ не имѣю таковыхъ мыслей: а только бы хотѣлъ, чтобъ оно тогда токмо было почитаемо и уважаемо, когда украшается многими почтенными качествами: я желалъ бы, чтобъ оно имѣло тѣ же самыя преимущества, каковыя имѣетъ добродѣтель, всегда сопровождать его долженствующая, и чтобъ къ нему не было оказываемо ни малаго уваженія, коль скоро оно не заклю-

чаетъ въ себѣ сихъ достоинствъ. Послѣдователи Эпикура полагали основанїемъ всѣхъ вещей *пустоту* и *атомы;* но и оныя одна безъ другой не имѣли у нихъ никакой силы. Не можно ли бы было, подобно сему, поставовить начальнѣйшими правилами почестямъ благороднаго дворянства, кои приписываются людямъ безъ всякаго личнаго достоинства, *благородное рожденїе* и *благородныя чувства:* такъ чтобъ безъ сихъ послѣднихъ первое совсѣмъ ничего не значило, и было бы подобно совершенной Епикурїянской *пустотѣ*.

Сїе установленїе съ начала покажется относящимъ всѣ вещи къ первому ихъ началу; а нѣкоторые, можетъ быть, подумаютъ, что чрезъ оное желаю я, чтобъ почти совсѣмъ не было другихъ дворянъ, кромѣ тѣхъ, кои приобрѣтаютъ сїе знаменитое достоинство одною своею особою, чрезъ отличныя свои дѣла; однакожъ намѣренїе мое совсѣмъ состоитъ не

въ томъ; ибо ежели бы я совершенно опровергалъ всѣ различія, находящіяся между нѣкоторыми фамиліями по ихъ древности, то тѣмъ могъ бы заслужить такое же осужденіе, какое дѣлаю самъ безумнымъ къ людямъ предразсудкомъ. Я полагаю, что въ Государствѣ благоустроенномъ непремѣнно нужно, чтобъ были различные чины и достоинства, изъ коихъ нѣкоторые должны быть даваемы людямъ имѣющимъ хорошее воспитаніе, приводящее ихъ въ состояніе и способность исполнять ввѣряемыя имъ должности. Весьма естественно, что особы рожденныя отъ такихъ фамилій, кои съ давняго уже времени почтены знаменитѣйшими чинами, бываютъ гораздо способнѣе другихъ исполнять важныя должности со оными сопряженныя, будучи, такъ сказать, во оныхъ воспитаны, нежели такіе, которые нимало къ тому необыкновенны, и коимъ сіи должности часто бываютъ совсѣмъ неизвѣстны.

И такъ еще повторяю, что нужно бы было учредить сіе правило; ибо дворянство тогда только можетъ быть полезно и всякаго уваженія достойно, когда сопрозождаемо бываетъ добродѣтелію; оно не должно и не можетъ приписывать себѣ никакого права къ оказанію онаго порока, невѣжества, безумія, безчестія и проч. ибо всѣ сіи гнусные поступки почитаются въ очахъ Философа столь же предосудительными въ благородномъ дворянинѣ, какъ и въ самомъ низкомъ гражданинѣ.

Вотъ еще другое правило, которое казалось бы мнѣ столь же справедливо, какъ и первое. Надлежитъ, чтобъ между двумя дворянами по единому достоинству давали одному передъ другимъ преимущество: а ежели при таковыхъ случаяхъ будутъ предпочитать одного другому единственно потому, что родъ его имѣетъ свое происхожденіе древнее, то сіе предпочтеніе такъ же можно

будетъ уподобить тому уваженію, которое дѣлаютъ Голландцы старой посудѣ, или той смѣшной привязанности къ древнимъ рукописямъ: и тогда я буду утверждать то же самое, что говорилъ сначала моего письма; и думаю, что сіе будетъ не безъ основанія, ежели я сдѣлаю справедливое заключеніе, что изъ почтенія къ дворянству никогда не должно, безъ точнаго изслѣдованія, оказывать достойныя почести и преимущества благородному вертопраху.

Я нимало не удивляюсь, почтенный *Малткулькулькъ*, что многіе знаменитые Писатели толико вооружались противъ сильныхъ предразсудковъ въ пользу благороднаго дворянства: они тѣмъ старались защищать собственное свое, хотя простое, но честное рожденіе: и поелику природа, одаривъ ихъ отличнымъ преимуществомъ въ разумѣ и добротою сердца, не дала имъ онаго со стороны ихъ

породы; то потому не было ли весьма естественно, что они едва могли сносить, что предпочитали имъ такихъ людей, предъ коими во всемъ прочемъ, кромѣ рожденія, имѣли великое преимущество? По истинѣ я прощаю всѣмъ ученымъ въ дѣлаемыхъ ими жестокихъ возраженіяхъ противъ дворянства; ибо они имѣли неоспоримое право, нападать на сію мечтательную химеру, предъ коею на жертвенникѣ возжигали постыдную жертву, которая долженствовала бы быть приносима единой токмо добродѣтели.

Естьли бы сіи Писатели, писавшіе противъ раболѣпнѣйшаго почтенія, оказываемаго къ старымъ бумагамъ, къ древнимъ похвальнымъ грамотамъ, и къ пышнымъ титуламъ и чинамъ, были въ состояніи сами собою познать внутренность тѣхъ, кои рожденіемъ своимъ надмѣру превозносятся: то тѣмъ могли бы они съ большимъ успѣхомъ нападать на сіе ужасное

страшилище, съ которымъ непрестанно желали сражаться. Но по несчастію большая часть изъ нихъ извѣстны были о единыхъ токмо слабостяхъ и порокахъ, усматриваемыхъ въ дворянствѣ, и о нѣкоторыхъ поступкахъ, достойныхъ смѣха, а не уваженія многихъ дворянъ: а потому самому дѣлали они противъ ихъ жестокія возраженія и укоризны, и поставляли добродѣтель выше рожденія. Хотя и имѣли они къ тому справедливѣйшую причину; однакожь гораздо болѣе находили бы способовъ къ сему осужденію, когда бы вошедъ въ обстоятельное изслѣдованіе, могли открыть многіе странные и всякаго презрѣнія достойные поступки большей части дворянъ, носящихъ на себѣ сіе достоинство по единому токмо названію. Весьма мало ученыхъ поступали такимъ образомъ; ибо немногіе изъ нихъ находились въ такихъ положеніяхъ, чтобъ могли точно быть свѣдомы о всемъ томъ, что

происходитъ въ большомъ свѣтѣ. Поелику нѣкоторые изъ сихъ ученыхъ препроводили всю жизнь свою въ своихъ кабинетахъ, или съ крайнею чувствительностію несли на себѣ иго учиненной съ ними несправедливости, на которую непрестанно приносили жалобу: то низкость ихъ рожденія не позволяла имъ приближаться къ особамъ высокихъ чиновъ и достоинствъ: нѣкоторые же хотя и могли бы быть болѣе свѣдомы о слабостяхъ знаменитыхъ вельможъ; но они поставляли себѣ долгомъ, употреблять свое свободное время на другое полезнѣйшее упражненіе, нежели на изслѣдованіе глупостей и коловратностей многихъ людей, думающихъ о себѣ, что чрезъ благородное свое рожденіе приобрѣли они право дѣлать разныя смѣха достойныя нелѣпости, и что никто не имѣетъ права имъ въ томъ противорѣчить. Однакожь я думаю, почтенный *Маликульмулькъ*, что время употребляемое на примѣ-

чаніе различныхъ склонностей человѣческихъ, сколь ни были бы оныя порочны, всегда употребляется съ пользою; ибо чрезъ то можно научить ненавидѣть порокъ, разсматривая всю его гнусность.

ПИСЬМО XXXVIII.

Отъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку.

Исполняя данное мнѣ отъ тебя повелѣніе, почтенный *Маликульмулькъ*, чтобъ увѣдомлять о всѣхъ случающихся новостяхъ въ подземныхъ нашихъ жилищахъ, препровождаю къ тебѣ описаніе произшедшаго здѣсь спора между тѣньми нѣкотораго богатаго откупщика, и недавно прибывшей сюда театральной танцовщицы. Разговоръ ихъ показался мнѣ очень забавенъ, и я надѣюсь, что онъ и тебѣ понравится.

Разговоръ между тѣньми *Золотосора* и *Всемрады*.

Золотосоръ.

Какъ! ты ли это, любезная *Всемрада?* кто бы подумалъ, что въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ и наслаждаясь при томъ, какъ мнѣ извѣстно, совершеннымъ здоровьемъ, преселилась ты столь безвременно въ здѣшнія мѣста. Я думаю, что Г. *Промоталовъ* послѣ твоей смерти сошелъ непремѣнно съ ума, потому что онъ любилъ тебя до безумія.

Всемрада.

Это правда, что бѣднякъ чувствовалъ ко мнѣ сильнѣйшую горячность; однакожь гораздо бы было для меня лучше, естьлибъ я никогда не имѣла съ нимъ знакомства, потому что любовь его ко мнѣ причиною была моей смерти.

Золотосоръ.

Слова твои меня очень удивляютъ. — Какъ! не уже ли родственники *Про-*

мотталова, озлобясь, что ты издержками своими совершенно его раззоряла, приказали дать тебѣ потихоньку лѣкарство, употребляемое не рѣдко въ таковыхъ случаяхъ въ Италіи? Безъ сомнѣнія подговорили они на свою сторону какого нибудь снисходительнаго Эскулапія, который посредствомъ своихъ предписаній отправилъ тебя на сей свѣтъ безъ малѣйшаго шума?

Всемрада.

Нѣтъ, родственники *Промоталова* поступали со мною гораздо человѣколюбивѣе: и хотя, какъ тебѣ извѣстно, всѣ они смертельно меня ненавидѣли, однакожь никакого не имѣли участія въ моей кончинѣ: одна только любовь, или лучше сказать, тѣ пагубныя слѣдствія, которыя часто влечетъ она за собою, были причиною моей смерти. Будучи беременна болѣе уже шести мѣсяцовъ, вздума-

лось мнѣ, не взирая на тяжесть, коею я была обременена, танцовать въ новомъ балетѣ; ты знаешь Г. *Золотосоръ*, что подобныя мнѣ театральныя дѣвки не рѣдко принуждены бываютъ жертвовать собою для удовольствія публики. Такимъ-то образомъ, узкое шнурованье, которымъ я была стянута, и высокіе прыжки, которые я тогда дѣлала, довершили мою погибель. По выходѣ изъ театра почувствовала я жестокое мученіе, и на третій послѣ того день умерла родами.

Золотосоръ.

Я очень сожалѣю, любезная *Всемрада*, о твоемъ несчастіи: по справедливости, нѣтъ ничего несноснѣе для пригожей женщины, какъ въ цвѣтущей юности лишиться жизни; однакожь ты отмѣнно была несчастлива при таковыхъ случаяхъ; ибо, какъ помнится мнѣ, это уже не въ первый разъ съ тобою случалось.

Всемрада.

Это правда: перваго случившаго со мною несчастія причиною былъ нѣкоторой знатной Господинъ: а въ другой разъ музыкантъ, играющей на скрипкѣ.

Золотосоръ.

Это очень забавно: ты избрала себѣ двухъ любовниковъ совсѣмъ различныхъ свойствъ и состояній. Я никогда бы не повѣрилъ, чтобъ женщина столь нѣжнаго вкуса, какова была ты, прельстилася глупою харею простаго скрипача, и для меня очень удивительно, что имѣя власть выбирать любовниковъ и въ ложахъ и въ партерѣ, унизила ты себя столько, что вытащила его изъ оркестра. На противъ того я очень увѣренъ, что госпожа *Перелюба* прежняя моя любовница, никогда не избирала мнѣ мнѣ столь недостойныхъ совмѣстниковъ.

Всемрада.

О какъ же ты ошибаешься! повѣрь мнѣ, что и она всегда слѣдовала моему примѣру, и любовникъ избранный ею шебѣ въ помощники, не знаменитѣе былъ сего музыканта, которымъ ты меня упрекаешь. Она нѣсколько только дней въ недѣлѣ препровождала съ тобою, а остальные съ служителемъ нѣкотораго машиниста. О! что касается до этаго малаго, то онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходилъ всѣхъ, сколько ни есть откупщиковъ на свѣтѣ: то правда, что не имѣлъ онъ ни золота ни серебра; но природа вмѣсто того одарила его другими совершенствами, которыя у женщинъ болѣе всего уважаются. Ты будучи первымъ ея любовникомъ, пользовался ея благосклонностями во всѣ тѣ блистательные дни въ ея жизни, когда игрывала она на театрѣ: то есть, во вторникъ, въ пятницу и въ воскресенье;

но слуга машинистовъ довольствовался оными въ понедѣльникъ, четвергъ и суботу: чтожь касается до середы, то этотъ день не принадлежалъ ни тебѣ ни твоему сопернику; а госпожа *Перелюба* назначала его для театральнаго надзирателя, который, приходя къ ней, дѣлалъ ей иногда честь своимъ ночлегомъ.

Золотосоръ.

О это сущая ложь и совершенная клевета! Ты конечно для оправданія своихъ поступокъ вздумала поносить мою любезную *Перелюбу*, которой примѣрное постоянство не было подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Я слышалъ отъ многихъ переселившихся сюда моихъ знакомцевъ, что она чрезвычайно обо мнѣ сожалѣла и нѣсколько дней сряду безпрестанно плакала.

Всемрада.

Да, тебѣ это сказано было очень справедливо: но кто можетъ знать

лучше меня, отъ чего она такъ много огорчалась? я была ея повѣренною и и потому всѣ ея тайны были мнѣ открыты. „Я лишилась, говорила „она мнѣ, въ особѣ Г. *Золотосора* „величайшихъ сокровищъ; хотя то „правда, что никто не былъ столь „глупъ и несносенъ, какъ онъ; однакожь щедрость, съ каковою расточалъ онъ для меня свои сокровища, „вознаграждала всѣ сіи недостатки. „О смерть! естьли изъ трехъ моихъ „любовниковъ надлежало тебѣ похитить у меня одного, то для чего „не обратила ты смертоносное свое „оружіе на этого несноснаго надзирателя, отъ котораго въ цѣлый годъ „получаю я меньше, нежели отъ Г. „*Золотосора* получала въ двѣ недѣли. „Нѣтъ, любезная *Всемрада*, продолжала она, никогда уже не возвращу „я того, чего лишилась, и никогда не „найду такого человѣка, котораго бы „съ такою легкостію могла я водить „за носъ, какъ то дѣлывала съ этимъ

„глупымъ откупщикомъ.„ — Вотъ Г. *Золотосоръ* отъ чего происходила печаль твоей любовницы: я думаю, что очень не пріятно для твоего самолюбія, слышать такія вѣсти; но чтожь дѣлать: не ты первый, не ты послѣдній.

Золотосоръ.

Естьлибъ *Промоталовъ* зналъ тебя такъ же хорошо, какъ я, то безъ сомнѣнія не столько бы печалился о твоей смерти: и естьли всѣ твои расказы о невѣрности ко мнѣ прежней моей любовницы справедливы, то она однакожь не столько виновна, какъ ты. Помнишь ли ты того Нѣмца, который пользовался твоею благосклонностію въ то же самое время, когда разоряла ты бѣднаго *Промоталова?* такъ же, я думаю, не позабыла еще ты и того, что при воззрѣніи на золото, горячность твоя къ нему, которою ты столь много превозносишься, совершенно

исчезала: деньги производили надъ тобою такое же дѣйствіе, какое втужа производитъ надъ термометромъ.

Всемрада.

Я могла бы сказать тебѣ въ свое оправданіе, что въ этомъ случаѣ дѣлала я то же самое, что дѣлаютъ прочія мои подруги, и что совсѣмъ несходственно бы было съ моимъ промысломъ, поступать въ томъ иначе; однакожь оставя это, хочу я увѣдомить тебя, что ничто другое, какъ та же самая чрезмѣрная горячность, которую чувствовала я къ *Промоталову*, побуждала меня быть иногда противъ него непостоянной. Я съ сожалѣніемъ примѣчала, что издержки, которыя онъ для меня дѣлалъ, приводили его въ истощеніе: и такъ, чтобъ сберечь его кошелекъ, почерпала я то у другихъ, чего въ немъ не доставало: у Агличанъ опорожняла я карманы отъ гвиней, ко-

торыя были имъ въ тягость, а у Нѣмцовъ вытаскивала червонцы, которые такъ же были у нихъ лишнія. Повѣрь мнѣ, любезный *Золотосоръ*, что я была бы меньше вѣроломна, естьли бы не столько любила *Промотолова*.

Золотосоръ.

Вотъ очень смѣшныя оправданія! право, мнѣ кажется, ты еще не совсѣмъ отвыкла отъ тѣхъ любовныхъ глупостей, которыя часто болтаются на театрѣ. *Я была бы меньше вѣроломна, естьли бы не столько любила Промоталова!* Да кто принуждалъ тебя любить излишнее великолѣпіе и безполезныя издержки? Ты могла бы очень хорошо прожить тѣми деньгами, которыя получала отъ своего любовника; однакожь тебѣ ихъ недоставало и на полгода. Естьли бы ты въ самомъ дѣлѣ любила *Промоталова*, то конечно бы провождала свою жизнь совсѣмъ дру-

гимъ образомъ. Двадцать богатыхъ платьевъ! тридцать разныхъ маневровъ чепчиковъ и шляпокъ! триста бутылокъ Шампанскаго вина, и пятьдесятъ, или шестьдесятъ прогулокъ за городомъ, которыя ты по любви своей къ нему должна бы была отмѣнить, избавили бы твое постоянство отъ всякаго искушенія. Оставя излишнее щегольство и наблюдая во всемъ бережливость, не была бы ты принуждена ежеминутно его обманывать.

Всемрада.

О! Г. *Золотосоръ*, это давно уже вышло изъ моды и никогда между нами не исполняется: ну можно ли требовать отъ театральной дѣвки, а особливо отъ танцовщицы, чтобъ была она порядочна въ своихъ поступкахъ? Это то же самое, какъ бы желать, чтобъ откупщикъ сдѣлался честнымъ человѣкомъ, и воздержался бы грабить народъ тогда,

когда имѣетъ къ тому способный случай, чтобъ петиметръ былъ скроменъ, и чтобъ крючкотворецъ престалъ брать взятки. Я всегда видѣла, что всѣ мои подруги ни о чемъ болѣе не стараются, какъ о нарядахъ, и непостоянство почитаютъ не иначе, какъ за невинную шутку, и такъ могла ли я поставлять себѣ въ порокъ то, о чемъ всѣ онѣ разсуждали съ такимъ равнодушіемъ? Въ этомъ случаѣ подражала я дорогой твоей *Перелюбѣ*, и обманывала такъ же *Промоталова*, какъ она тебя; съ тѣмъ только различіемъ, что его любила я чистосердечно, хотя и была ему невѣрна, а твоя любовница оказывала только наружную къ тебѣ привязанность; вотъ какое различіе въ любовныхъ дѣлахъ между такимъ молодымъ и пригожимъ офицеромъ, каковъ *Промоталовъ*, и между такимъ богатымъ и старымъ откупщикомъ, каковъ былъ ты: онъ въ объятіяхъ

хотя невѣрной любовницы, однакожь вкушалъ утѣхи чистосердечной горячности, а ты былъ тѣмъ одолженъ только своимъ сокровищамъ.

Золотосоръ.

Естьлибъ ты имѣла хотя искру честности, то должна бы была увѣдомить меня еще при моей жизни о томъ, что теперь мнѣ расказываешь: тогда не расточалъ бы я по пустому своего богатства для такой вѣроломной и негодной женщины.

Всемрада.

Г. *Золотосоръ!* Ты желаешь совсѣмъ невозможнаго. — Какъ! ты требуешь, чтобъ я увѣдомляла тебя о томъ, что могло бы причинить вредъ моей подругѣ! Не уже ли тебѣ неизвѣстно, какое царствуетъ согласіе между театральными красавицами, когда намѣрятся онѣ ограбить какого нибудь богатаго откуп-

щика? и самыя тѣ, которыя бываютъ между собою смертельными непріятельницами, дѣлаются искренними друзьями, коль скоро дѣло дойдетъ до кошелька подобнаго тебѣ богача. Участь многихъ твоихъ товарищей долженствовала бы тебя научить и безъ моего увѣдомленія, чтобъ остерегаться тѣхъ хитрыхъ обмановъ, которыя мы очень искусно умѣемъ употреблять противъ такихъ простяковъ, каковъ былъ ты, и другіе тебѣ подобные, расточившіе для насъ все свое имѣніе, и, изъ любви къ намъ, доведшіе себя до совершеннаго раззоренія.

Конецъ третьей части.

ПОЧТА
ДУХОВЪ
3 · 4